

Николай Покидышев

«НЕРАЗДЕЛИМОСТЬ»

ББК – 84Р6

П 48

Зауральцам уже известно имя автора книги. Стихи Николая Покидышева привлекают своей добротой и нежностью, открытостью, философским взглядом на жизнь, размышлением о смысле бытия. Его стихам присущи романтизм и зрелость, наивная непосредственность и жёсткая оценка своих ошибок. Особенно близка ему тема любви к родной земле, которая от произведения к произведению перерастает в любовь ко всем, живущим на земле.

Печатался в газетах, литературно-художественных журналах «Тобол», «Сибирский край», «Веси» (г. Екатеринбург). Автор сборников стихов «Отголоски», «С тобою навсегда», участник коллективного сборника стихов «Жизнь кажется бесконечной. Зауральская поэзия в изданиях центра «Отклик», член Союза писателей России.

Книга издана на средства Правительства Курганской области.

ISBN 978-5-904279-09-7

© Н. Покидышев

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

ЗЕРКАЛО

1

Отрази меня, зеркало,
                    сверху до пят:
Что скрываешь
                    за блеском глади?
Убегаю под вечер
                    под дождь, в листопад,
От себя одуревший за день.

Отрази-покажи,
                    ничего не тая:
где души
                    непроглядное днище?
Кто мне тот, за стеклом?
                    Разве он – это я?
Двух врагов таких
                    где ещё сыщешь?

Разъясни-не тая:
                    что рассорило нас?
Почему с ним живём
                    по собачьи?
Видишь:
                    слёзы текут у обоих из глаз –
Он моею же горечью плачет.

Расскажи-объясни:
                    где исконно моё?
По чему бессловесно тоскую?
Ведь пирует вокруг без забот
                    вороньё,
Даже мысли
                    и те воруя.

Я всё пробую
                    чёрное с белым смешать,
Только странно кончается дело:
Белизна проступает на чёрном опять,
Ну, а чёрное –
                    не побелело.

Если знаешь, скажи:
        где же выход найти?
Впору
        лбом об тебя разбиться!
Может после останется
        кто-то один,
Ну, а я –
        Перестану двоиться...

2

Не верьте зеркалу!
        Бездушный копиист
Копирует сегодняшнее сходство.
Безмолвней слов, записанных на лист,
Оно не утверждает превосходства

Прошедших лет над нашею душой
Как гладь пруда глубин не отражает.
И облик в зеркале всегда чуть-чуть чужой
Как друг, что вдруг
        надолго уезжает.

Всё – в глубине,
        и гладь – всего лишь грань.
И вкус вина бокал воспеть не может.
Пусть облик нам приносит столько ран,
Но боль глубин всё ж во сто крат дороже.

Не верьте зеркалу, прошу!
        Оно то льстит,
То вдруг бесцеремонно унижает.
Фальшивый друг,
        неверный копиист,
Который суть бесстыдно искажает.

КАНУН

Эта ночь всей лавиной метельною
налетела внезапней, чем шторм,
на окраин громады панельные
как волна на крутой волнолом.

Ворвалась, заметалась по городу,
закружила шальной перепляс,
опаляя всё жгучим холодом,
высекая слёз искры из глаз.

Смерчи белые, узкие в талиях,
расплескав вой и свист во тьме,
звали с ними в дорогу дальнюю
в сумасшедшей ночной кутерьме.

Но куда? В путь, с какими ухабами?
В даль? А может – стрелой под откос?
Кто там мчится и кто там падает,
в ночь, когда – ни луны, ни звёзд?..

Ветер рвет провода длиннострунные:
резкий вскрик их пронзит до нутра,
словно гибнет там кто-то в безлунии
очень близкий, родной. До утра

в ночь такую дожить бы!.. Удастся ли?
Среди бешеной злобы пурги
кто зовёт? Чьё там сердце заплакало,
чьим глазам за метелью – ни зги?

Отсидеться? Заткнуть уши ватой:
Бог с ним с криком в окне со двора?
Только гонит тоска непонятная
в ту пургу. Я – пойду.

Мне пора...

АПРЕЛЬ

«...Это было,
было в Одессе»
В. Маяковский

1

Ах, город-жемчужина, город-порт:
Для многих – случайный попутчик!
Двух старых билетов изгиб истёрт:
– Седьмое апреля. «Щелкунчик».

Бульвар, истомлённый нежностью, плыл

В зелёных обновках лучших.
Весь вечер нас в вальсе с тобою кружил
Влюблённый мальчишка Щелкунчик.

...А время умчалось себя догонять,
Разлуками долгими мучить.
Но каждой весной нас будет ждать
Седьмое апреля, «Щелкунчик».

2

По мраморной зеркальности ступеней
Из близости уютно-тесных лож
– Останься навсегда со мной, мгновенье! –
Ко мне со снимка старого идёшь.

Рукой скользишь по бронзовым перилам,
И до меня остался только шаг:
Всего лишь шаг. И пусть ты не спешила,
Но столько лет не встретимся никак.

Театр. Апрель. Весенняя Одесса.
Каштаны. Первых листьев аромат...
Что не дожил, за этот вечер вместе
Тебе отдать я буду только рад!

3

Зелёные брызги
Из лопнувших почек
Взорвали мне память
Сегодняшней ночью.

Зелёные брызги,
Смолы аромат
Нечаянно в парк наш
Вернули назад.

Да вот не под силу им
Тяжкое бремя –
Вернуть нам обоим
То светлое время.

Твой голос, твой смех
И твой запах волос

Я спрятал в себе
И далёко увез.

Я жду тебя там –
В незабвенном апреле.
Пойдем, погуляем
В зеленой капли?..

КИРОВСКИЙ ПЛЯЖ

1

На всех часах Земли застыли стрелки.
Дождь торопливо сквозь квартал идёт.
В подъезде пахнет свежую побелкой.
Спит у дверей соседских чей-то кот.

Почтовый ящик пуст – как и должно быть;
Как говорят: «Чернил не развели».
Висит луна – огромный жёлтый глобус,
И время спит на всех часах Земли...

2

Да, так и было всё: на пляже, у реки,
Сидели мы на краешке помоста.
Мелькали стаями у наших ног мальки,
И блики солнца вспыхивали остро

На гребнях волн. Да. Так и было всё: жара,
И пацаны, и удочки пустые,
И в «лягушатнике» визжала детвора,
И ветви ивняка: всё – как впервые.

Волна к волне плескалась гулко о помост
С равноударной звучностью клепсидры,
И что-то важное вершилось среди звёзд,
Пока, сдирая с днища краски лоск,
Носился катер, в брызгах еле видный.

Да. Так и было всё... Прилипла ночь к окну
Всей чернотой погасшего экрана.
Уже четыре. И, наверно, не усну:
Для сна уж поздно, а для встречи – рано...

Хотите я в трёхдольном вальсе
 Вам провальсирую свой слог?
 Вдоль по асфальту – дальше, дальше
 И упаду у Ваших ног.

Хотите в медленном гавоте,
 Храня дворцовый этикет,
 Я буду кланяться напротив
 Моей любви? Хотите? Нет?

А, может, Вам по сердцу танго:
 Коленей тесное касанье
 В два шага резких и в два плавных,
 И глаз, и губ вблизи мельканье?

А, может, знойная "Ламбада"
 Из всех июльских настезь окон
 Застонет страстно с нами рядом,
 А мы – отдельно, как в окопе?..

А хочешь, я ласковым стану, как полдень,
 И, еле касаясь губами руки,
 В ладони твои вдруг выдохну: – Помни,
 Любимая, лето вдвоём у реки!

Помни, любимая, лодок качание,
 Длинные письма, листы телеграмм,
 И бесконечное ночи молчание
 Вслед телефонным звонкам...

И можно разбить телефон от отчаянья:
 Где ты в ответ долгожданная весть?
 Шептать в тишину предрассветную, раннюю:
 «Не и́мам любви – ничто же есмь...»*

Любую Любовь можно сделать обыденной;
 Встречу любую – к разлуке свести;
 Вчера дорогое – к утру ненавидимым,
 Желанные строки – к обрывкам в горсти.

Меня зачеркнула моя незакатная.
А я вот всё с письмами – августа тень.
Зачем-то ищу в них дорогу обратную
Туда – в самый первый, к тебе, насовсем...

5

Давай станцуем вальс на черепках:
Мы преуспели здесь с тобой на славу –
До первых дней в июле – пыль и прах.
Так напоследок хоть – в руке – рука – и

плавно:

Раз-два-три,
                    раз-два-три,
                                    раз-два-три:
памяти далее наплывы.
Раз-два-три,
                    раз-два-три,
                                    раз-два-три:
прошлое – пылью, пылью.
Раз-два-три,
                    раз-два-три,
                                    раз-два-три:
летний наш плен недолгий.
Раз-два-три,
                    раз-два-три,
                                    раз-два-три:
плавно скользим по осколкам.

Теперь – в углу – обратный поворот.
Глаза – в глаза и, рук не размыкая,
Нога – с ногой и вместе – шаг вперёд,
Но ВМЕСТЕ только в вальсе, дорогая:

Раз-два-три,
                    раз-два-три,
                                    раз-два-три:
памяти далее наплывы.
Раз-два-три,
                    раз-два-три,
                                    раз-два-три:
прошлое – пылью, пылью.
Раз-два-три,
                    раз-два-три,
                                    раз-два-три:
летний наш плен недолгий.

Раз-два-три,
раз-два-три,
раз-два-три:
плавно скользим по осколкам.

Ну, вот и всё. Отпел последний такт.
И друг от друга – врозь – противоходом.
И даже если было всё не так,
Наш вальс мы станцевали превосходно:

Раз-два-три,
раз-два-три,
раз-два-три:
летний наш плен недолгий.

Раз-два-три,
раз-два-три,
раз-два-три:
плавно скользим по осколкам.

Раз-два-три,
раз-два-три,
раз-два-три:
памяти далее наплывы.

Раз-два-три,
раз-два-три,
раз-два-три:
прошлое – пылью,
пылью...

6

Дорогая!.. Ну, как мне Вас звать,
Больше жизни недавно любимую?
Налетели июли опять
Повторением неповторимого.

За окном – пустота. Ни теней,
Ни пожаров вчерашнего зарева.
И глазам не страшней, не больней.
И ни что не напишется заново.

Ничего не забыть, ни стереть.
Пожелтел край листка с Вашим адресом.
Кто мы с Вами, родная, теперь,
Врозь вчерашние праздники празднуя?

В прошлых реках всё та же вода,
И всё те же следы краем берега.
Как я счастлив был с Вами тогда!
До сих пор
                  самому не верится!..

---

* Цитата: «...И Павел пишет:
«Аще языки человеческими глаголю и ангельскими,
любви же не имам – ничто же есмь»
(«Житие протопopa Аввакума, им самим написанное»)

***

В метро свистели сквозняки,
Скрипели тормоза составов,
Звенели в кассах пятаки,
Платформы плыли слева, справа;

И лица к лицам – вверх и вниз:
В два нескончаемых потока
Текло и плыло столько лиц,
Что становилось одиноко

От неприсутствия лица,
Которое одно и свято:
Я столько улиц отлистал,
Но от него себя не спрятал.

И понапрасну шлифовал
Подошвами асфальт столицы:
Нигде тебя не отыскал
В чужих – навстречу – женских лицах.

ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО

Прошу тебя,
Не верь моим словам!
Быть может,
память шутит надо мною,
А я,
Ступая по её следам,
Увлечь хочу
Придуманной игрою.

Прошу, не верь,
Когда вдруг говорю:
«Твой свет далёкий
Греет моё сердце,
И на других
Лишь потому смотрю,
Что на тебя
Тогда не насмотрелся».

Прошу, не верь!
Солгут рука и взгляд,
Волненье, голос –
Все солгут некстати.
Мне кажется
Они со мной хитрят
С той нашей встречи
В незабвенном марте.

И уж совсем,
Прошу тебя, не верь,
Когда,
Слова роняя как попало,
Скажу, прощаясь,
Что ж таить теперь:
«Как мне всю жизнь
Тебя не доставало!..»

**   **   **

Моим однокурсникам,
всем выпускникам УЭМИИТа*

Сбегу к себе – назад, в УЭМИИТ,
На первый курс, в зачётную неделю,
Где в коридорах тихий гул стоит
И три конспекта на полгруппы делят.

В громадных окнах стынут зимний день,
Замёрзший пруд**, рыбак и мост с трамваем,
А на галёрках – что кому не лень:
Кто – спит, кто – вяжет, книг не открывая.

По декабрю, без шапки, заскольжу
Накатанной тропинкой в общежитье

И задежурю там по этажу,
Его вчерашний постоянный житель.

Под вечер стихнет цокот каблучков.
На лестницах, не выучив ни строчки,
Целуются до первых петухов...
А ты со мной сбежать туда не хочешь?

---

*УЭМИИТ – Уральский электромеханический институт инженеров
железнодорожного транспорта, сейчас – Уральский государственный
университет путей сообщения (УрГУПС)

**Территория института с трёх сторон окружена городским прудом
г. Екатеринбурга

**   **   **

Другу-однокурснику
Валерию Игонину

А если что случится – без меня
На «остров» наш по мостику над заводью
К закату пасмурного мартовского дня
Приди сказать: я кланяюсь им загодя.

Пройди тогда аллеей тополей –
По ней мы все ходили к институту:
Сплетения разросшихся корней
Давно с корнями сердца перепутал.

Приди и к общежитью номер три
С оглохшими от шума коридорами:
Из окон тех мне свет всю жизнь горит
На улице любой другого города.

Пройди по «Колмогорова» на ВИЗ*,
Запрыгни на трамвай до Уралмаша*.
С подножки ненароком оглянись:
Кто там тебе рукой вдогонку машет?

Не наша ль юность нас, как прежде, ждёт
И также в возвращенье наше верит?
И сердце в тайной радости замрет:
А вдруг опять свои откроет двери?..

1987 г.

---

*ВИЗ, Уралмаш – жилые микрорайоны г. Екатеринбурга примыкающие к ВИЗу
(Верх-Исетскому металлургическому заводу)
и Уралмашу (Уральскому машиностроительному заводу)

**   **   **

Поэзия! Пред алтарём твоим,
Как блудный сын, склонюсь в пыли дорожной.
Отдавший годы алтарям другим,
Пришёл просить тебя о невозможном:

Дай голос спеть прощальное своё,
На самой чистой и высокой ноте,
Пока душа моя ещё поёт!
Потом хоть жизнь возьми,
Ведь я не против...

**   **   **

Слышал: есть заповедная где-то страна,
Там всему лишь однажды даны имена,

Коль любовь – значит в счастье и в горе вдвоём,
Лица – лики, не маски «сдаётся в наём».

Там Христос вечно жив, проповедуя Свет,
Там Иуда – апостол, предателей – нет.

Друг приходит как друг, враг приходит как враг,
А обидишь – ответят: «Прости, ты – не прав».

Верность чести и верность друг другу чисты.
На Голгофе – сады, не распятий кресты.

Там душа не блуждает по миру с сумой,
Есть у каждого дом и дорога домой,

Где тебя день и ночь с нетерпением ждут.
Только люди никак ту страну не найдут...

ОТ ВЕКА ДО КОНЦА

ВСТУПЛЕНИЕ К ТЕМЕ

Время – оно всегда рядом с нами.

Чаще всего его не хватает. Но иногда вдруг, ни к месту – появляется его избыток: в зале ожидания, в дороге или в больничной палате...

Время – это слово так привычно для нас, что именно его, Времени, и не хватает, чтобы подумать – а что оно значит и для нас всех, и для каждого в отдельности?

Почти у каждой профессии свой подход к категории «Время»: у философов – один, у ученых – другой, у спешащих выполнить свою работу – третий, и опять – у каждого свой, со своей наполненностью радостными и печальными событиями, дорогими для сердца и такими, о которых не хочется даже помнить, но которые память упорно зачем-то хранит.

Именно с течением времени откристаллизовывается то, на твой взгляд, самое значимое не только для тебя, но и для других, о чём хочется поделиться в надежде непременно найти отклик у живущих в одном с тобой Времени.

Наверное, это чувство и заставляет браться за перо, пытаться из всех слышимых слов выстроить формулу взаимного понимания.

Какой же штрих-код наносит время на нашу память?

Почему почти забытые мелодия, или запах весенней зелени, или чей-то голос, похожий на голос дорого тебе человека, коснувшись этого невидимого кода, отзовутся так остро и пронзительно?

Может, именно в такие мгновения мы ясней, чем когда-либо, осознаем невозвратность Времени, невозвратность того, что так бесценно утрачено навсегда?

Наверное, можно говорить и о верности своему Времени: не физически отведенному тебе, а находящему отзвук в твоей душе – Времени твоего рода, Времени твоей страны, Времени планеты, на которой живёшь.

И чем более ты дорожишь ими, тем легче и тем тяжелее эта верность. Легче от гордости за свой род, свою страну, и тяжелее от сознания, как мало ты успел для них сделать.

Но с тобой всегда, до конца будет твоё Время и верность этому Времени.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ

1

Есть ли что на Земле иллюзорней, чем Времени сущность?
Даже утром туман над рекою легко осязаем.
Из дарованных нам в этой жизни её преимуществ
Может, лучшим и будет о Времени наше незнание?

Разве выдержит разум рождение, взлёт, катастрофы
Всех минувших и в нынче из завтра спешащих историй,
Если даже один в сердце памятью выжженный профиль,
На дорогах земных ни на миг не даёт нам покоя?

Разве выдержит разум, осмыслив бесчисленность судеб
Всех, кто жил, всех, кто жив, всех, кто так и не смог народиться,
Песен-плачей к друг другу, убитых безмолвною грудью,
Но летящих над миром, над каждым, невидимой птицей?

Разве разум простит, если есть где-то шанс достоверный –
Не с сегодня – с начала начал был и есть с нами рядом,
Постижения Жизни воистину полною мерой,
Без оглядки на Смерть и на узость незнания взглядов?

Даже дебри теорий не в силах со Временем сладить,
Лишь фантасты о нём свои сказки-загадки пророчат,
Но уходят секунды шеренгами войск на параде
В безупречности шага храня беспощадную точность.

2

Даже если вернуться след в след по знакомой дороге
В дом, где детство когда-то твоё началось,
То окажешься лишь на обжитом другими пороге
Всем чужой, незнакомый, незванный-негаданный гость.

Даже если запеть к звуку звук ту заветную песню,
Что отец часто пел у кровати твоей перед сном,
Всё равно никогда не окажешься снова с ним вместе,
Лишь слова, перепутавшись, в горле собьются комком.

Даже если опять и опять повторять слово "Мама",
Не избавишь её от седин или горьких морщин,
Не вернешь никого, кто теперь за оградой с крестами,
От стыда за ошибки свои, камня, один.

Даже память подчас, став последнего скряги скупее,
Так упрячет частичку бывшего – с огнём не найти.
Может быть, мы становимся в чём-то с годами мудрее,
Но от этого лишь тяжелее утраты в пути.

Облака на закат уплывают и тают бесследно.
Ни тропинки назад – к самым близким тебе, дорогим.
Время пылью дорожной несётся, взвихряясь победно,
Унося наши жизни, обиды и беды, как дым.

**   **   **

Над планетой моею проносится солнечный ветер:
Пыль погибшей безвестной незримо далёкой звезды,
Подтверждением слов о невечности жизни на свете,
О падении несокрушимых, казалось, твердынь.

Миллиарды светил погибают в бескрайней Вселенной,
Согревавших свои плоть от плоти родные миры.
А теперь долетает до нас только солнечный ветер,
Пыль планет из бездонной холодной космической тьмы.

Всё вокруг: облака и земля, даже Солнце и воздух,
С этой пыли начавшись, становится мной и тобой.
Сознавание родства с этой пылью приходит хоть поздно,
Но, по сути, оно и является нашей судьбой.

Наша пыль тоже где-то с тем ветром когда-то осядет
В невозникших ещё, но уже дорогих нам мирах.
О какой же ещё несказанно высокой награде
Можно только мечтать, исчисляя дороги в веках?

Пыль тех звёзд, оседая на каждое сердце незримо,
Унесёт за собой в даль, которой названия нет,
Но где будут опять даль России до боли любимой
И искриться в полях под луной свежавыпавший снег.

**   **   **

Исходя из теории множеств,
Допустимо считать достоверным:
Мир, на Землю точь-в-точь похожий,
Где-то есть в необъятной Вселенной.

Не зеркально, до равенства схожи
Суша, реки, моря, океаны.
Это значит: должны быть тоже
Те же люди, и те же страны,

Город нам дорогой и любимый,
Мягкий сумрак вечерней порою
Среди улиц и пух тополиный...
Где-то там есть и мы с тобою.

Математика любит точность:
В каждом множестве есть отклоненья.
Значит, лжи там ни днем, ни ночью
Нет. И нет ее порождений:

Нет фальшивых насквозь призывов
С толкованьем лукаво двояким,
Истеричных вождей фальшивых,
Хиросимы в огне, Нагасаки.

Нет голодных, больных и несчастных,
Измордованных нищенским бытом,
Беспричинного хамства начальства,
Стариков, их детьми позабытых.

Нет безвременной смерти любимых
И сиротских души скитаний...
Отклонений таких допустимость
Еще больше, наверное, ранит.

И правдивый расчет скрупулезный
Есть лишь значимый факт для науки,
Глубоко безразличный звездам,
Как людей бесконечные муки...

**   **   **

Родине моего отца, Покидышева
Александра Дмитриевича,
деревне Мурзинка Кораблинского
района Рязанской области

Где-то рядом почти, километров за тысячи две,
Для кого-то на тысячу меньше, кому-то – побольше,
Есть гнездо родовое с погостом в уснувшей траве,
С прахом предков бесценным у тихой березовой рощи.

Там такая бескрайняя, ясная даль без границ!
С диким визгом оттуда врывались когда-то ордынцы.
До сих пор те набеге есть в очерках множества лиц
И в названьях, и в прозвищах местных – Мурзинка, касимцы...

Вдоль спокойной реки было столько вокруг деревень –
Так недавно ещё! – с молодым, до рассвета, гуляньем!..
В завалившихся избах нерадостный тянется день,
Лишь глубокую скорбь навевая сегодня свиданьем.

Купола у церквей провалились; травой поросли
Красной кладки орнаменты стрельчатой арки над входом,
Словно снова гуляли Батый и Мамай по Руси,
И купались в крови полоненного ими народа.

Что же будет потом? Что останется лет через сто?
Снова степь и ковыль с волчьим воем бессонным ночами?
Ни ответа. Лишь ветер осенний мне студит лицо
И плывут облака над землей, как небесное знамя.

**   **   **

Родина! Россия! Отчий край.
Где-то в глубине твоей – деревня,
Вся – руины: только птичий гай
Средь пустых развалин и деревья –

Старые осокори – свечой
К облакам взметнулись над обрывом

По-над тихой заводью речной,
К бледно-голубым небес размывам.

Тот обрыв из злат-желта песка
В чёрных дырах гнёзд береговушек,
И до дна прозрачная река
С детства мне приворожили душу.

Ведь казалось: простоят века
Крепкие дома для доли лучшей.
Только и остались-то – река,
Старые осокори над кручей.

Ничего на свете не вернуть.
Зарастают старые погосты.
Потому всё чаще ноет грудь:
Не к живым – к могилам едешь в гости.

Рвётся в небо воплем птичий гай
Над деревней – в точь на порубежьи
С Диким полем древним. Отчий край,
Жизнь моя, и вера, и надежда,

Злой ли рок тебя не берёжет
Или сами сердцем мы остыли?
Но как больно, нестерпимо жжёт
Душу и глаза руинной пылью!

**   **   **

Мне так нужно: ночь, вокзал, перрон,
Толчея, гудки, рывок состава,
Общий переполненный вагон,
Кто-то слева, ну, и кто-то – справа.

Мне так нужно: звёзды, ночь, луна
И фонарь – один на всю округу,
Средь полей уснувшая страна,
Редкие – раз в год – поездки к другу.

Мне так нужно: хмурость облаков,
Будний день, который многотруден,
Верить: через тысячи веков –
Что там ни случись! – Россия будет.

Будут вёдро и лиха-беда,
Даль-тоска, тревога опасений.
Если повезёт, и я тогда
Прорасту её листком весенним.

**   **   **

Сейчас, когда сроки измерены жизнью,
И дышит в затылок последняя дата,
Ни мыслей, ни слов не желается лживых:
За каждую ложь настигает расплата.

Возмездием поздним настигнет внезапно.
Но, целясь в тебя, попадёт – в самых близких.
И страшным становится каждое завтра:
В кого за тебя попадёт новый выстрел?

Много прожито, и лжи было много:
Без умысла, с умыслом, лжи-умолчанья.
За то прописалась беда у порога,
Отрезав дороги ко лжи изначальной.

Тасует бессонно несчастий колоду.
Мытарства и муки – кому они в радость,
Когда за тобою, как тень – год за годом...
Но что заслужил – такова и награда!..

**   **   **

Земля не плодоносит круглый год.
За сединой невидимо страданье.
Скрывает на день звёзды небосвод.
И для души есть время созревания.

Не каждый ручеек в реку впадёт.
Не каждый говорящий – провозвестник.
Не каждое зерно ростком взойдёт.
Не каждая строка прольётся песней.

ПРОЩАНИЕ С АТЛАНТИДОЙ

1

Прощай, Атлантида – держава незримого братства,
Держава великих дерзаний, великих страданий,
Погибшая разом – лишь пылью руины клубятся:
Внезапная гибель больней ожидания ранит.

Кому-то – плоха, а кому – не бывает роднее:
По крови, с рожденья – родная до боли, навечно!
Кому-то – как мать, а к кому-то – с изгойным гоненьем:
Крест – каждому свой, как повсюду, и спорить здесь не с чем.

С тобой мы росли и мужали, и мучились вместе,
Делили и войн, и утрат неизбывное горе,
Гордились тобою, слагали прекрасные песни.
Теперь тебя хает огульно наемный историк.

Теперь тебя нет, но всё та же земля под ногами,
И всё, что дала нам – забыть никогда невозможно:
Ведь Родина также священна, как Родины знамя,
Как имя её, откликаясь ознобом по коже...

Прощай, Атлантида – земля Исполинов-Атлантов!
Угар разрушения сгинет. И будут гордиться
Тобой, а не кучкой вчерашних безродных мутантов,
Отчизну продавших за горстку чужой чечевицы.

2

И можно, наверно, сегодня остаться счастливым,
Вести себя будто и впрямь ничего не случилось.
Ведь, вроде бы, всё – как и было: приливы – отливы
Ровняют равнины холмы и холмы на могилах,

Слои океанов кладя на слои Атлантиды,
Век бронзы меняя на бронзу Героев Эллады,
А бронзу Героев – под звонкие капли клипсидры –
На мелкие склоки и мелких укулов обиды.

Ведь всё – как и было. И всё – всё равно, всё едино:
Политика, водка рекой, нищета без просвета,
Работа за грошик, а после - постель с половиной,
И суетный день за закат уползёт незаметно...

И где те Атланты – Гиганты борения, духа?
Погибли с Отчизной Великой уже безвозвратно?
И кто его знает: что вслед за Державою рухнет,
А что возвратится нежданно с приливом обратно?..

3

Уходит эпоха. Эпоха любви-эйфории –
К страданию чужому, стигматам на раненом теле.
И люди по улицам бродят – как будто чужие.
Как будто бы люди – но кажется: будто бы – тени.

Как будто бы тени, забытые в спешке телами,
Сбежавшими рыскать – хватай, кто успеет – удачу.
Заплакать бы – Боже, помилуй! – моленья словами.
Но мы ведь хохочем! Поверьте: хохочем, не плачем.

...Вот, кажется – жить бы, брать в меру и в меру лукавить:
От Прошлого – только обломки в пыли придорожной.
И, вроде, спросить с нас за это никто и не вправе.
И так – день за днём, год за годом, наверное, можно.

Наверное, можно все вёсны забыть, всех Любимых,
Тех, чьи имена по душе как резцом – поимённо.
Ведь время сравнивает и наши холмы на могилах,
И всё довершат океаны водою солёной.

Не всё ли равно и не всё ли в итоге едино:
Моленье, искание, грех, палачи и распятье,
Миг острого счастья, бессчётных несчастий години?
Ведь всё пронесётся, всё вытечет капля за каплей?

4

Но если равно, что мешает: луна? Время года?
Иль пух тополиный, осевший на волосы летом?
Блеск месяца ночью: весёлый и полуголодный?
Иль эхо чуть слышных к утру недопетых сонетов?

...Уходит эпоха. Эпоха Любви – эйфории.
И Море Чужое прихлынуло к Брегу Надежды.
И толпы нахлынули – тоже чужие, другие.
Но Солнце над морем и звёзды над морем – всё те же,

И капли дождя по стеклу поздним вечером – те же,
И осени желтые космы развеянных листьев,
И утренний иней – такой же пахучий и свежий,
И горечь всё та же у старых проверенных истин.

5

Прощай, Атлантида – Родная Страна с колыбели:
Кому-то – тюрьма, а кому – нет дорожке на свете!
Прости сыновей, что тебя убережь не сумели:
Живые осколки, погибшей империи дети,

Герой или труженик, кто на тебя не в обиде,
И те, кому выпала доля стать лагерной пылью,
И все, кто любил тебя, кто до конца ненавидел,
И все, кто хотел, не хотел – мы с тобою простились.

Как *та Атлантида* от зла, принесённого людям,
Исчезла, но лучшее стало легендой бессмертной,
Ты в памяти нашей и наших потомков пребудешь,
И зёрна от плевел отделят они непременно.

Прощай, Атлантида! И пусть ты Историей стала,
И Прошное дважды не может нигде повториться,
Но Время Последнее Слово ещё не сказало,
И правнуки будут Отчизной своею гордиться!

**   **   **

Земной поклон, родимая земля,
За все пути по городам и весям;
Что жили вместе, трудно, не делясь,
За то, что и потом мы будем вместе.

За осени под тихий плач дождя,
За зрелость лета, вёсны, снег желанный;
На том поклон, что, даже уходя,
С тобой ещё родней и ближе стану.

НАЧАЛО НОЯБРЯ

Снег кружится над капотом,
Слева – мгла и справа – мгла.
А вдали у поворота
Прогорает тьма дотла,

Где две фары желтоглазо
Полосуют темноту.
То нахлынут мысли разом,
То найти хотя б одну.

Так спокойно и просторно –
Лес, Россия и зима.
Белый лес над полем чёрным,
Над дорогой – туман.

Слева – пашня, справа – травы:
Лебеда, полынь, репей.
Снег штрихует лес, канавы,
Наготу пустых полей.

В рыжих травах – белый снег,
Чёрный снег – в краях обочин.
За капотом – мутный свет.
И Россия – днём и ночью:

От себя ведь не уйти,
Не сбежать и не укрыться –
Мне лишь с нею по пути,
Мне везде Россия снится.

**   **   **

Этот пух тополиный – повсюду,
Даже в комнате на полу;
Но пушистое белое чудо
Стало ваты комочком в углу.

Это ноги приводят сами
К дому старому: счастье, ау!
Не откликнулось. Видно, словами
Счастье в гости к себе не зовут.

Это память слепою птицей
Над родными местами кружит,
Ищет: где дорогие лица?
Как и сколько без них ещё жить?

Это ночь, перепутав звёзды,
Облаками укрыла их.
Только сердце, пусть даже поздно!,
Рвётся к звёздам на крыльях своих,

Обрывая все пути земные,
И, тоскуя уже по земле,
Как тоскует душа по России
Каждый миг – наяву и во сне.

ВОЙНА – ОТ ЭТОЙ ТЕМЫ НЕ УЙДУ

Война – это слово для многих из нас с самого раннего детства, наверное, стало следующим после «мама» и «папа». Не к каждому вернулся папа. Моих родителей война свела на Урале, в тылу: для отца он был госпитальным, после тяжёлого ранения, для мамы – трудовым фронтом медсестры в больнице строящегося завода, тогда называвшегося «Почтовый ящик № 4».

Я родился в бараке, оборудованном под роддом. Из-за ранних холодов, или по другой причине, несколько детей простыли и получили воспаление лёгких. Мне переливали отцовскую кровь – кровь инвалида войны с двадцати лет.

Мы росли среди последствий войны – ведь не прошло и пяти лет после неё, как мы появились на свет. Мне, семилетнему, папа показал дом своей сестры Анны Дмитриевны в Крюково. Во время боёв за Москву дом стоял между нашими и фашистскими окопами. С западной стороны он был изрешечён вражескими пулями, с восточной – пулями защитников столицы.

Мы жили среди последствий войны всегда. Их можно было не только видеть, но и трогать руками. На месте публичных казней через повешение я прикасался в Минске в коре тополей, на ветвях которых и через столько лет не заросли канавки от верёвок. Я прикасался к изранным стенам Кобринского редута в Брестской крепости, к свисавшему сосульками кирпичу во внутренних капонирах, откуда защитников выжигали огнёмётами. Я гладил в Ленинграде стену дома с памятной надписью «Эта сторона опасна во время артобстрела»...

Мы и сейчас живём, и всегда будем жить среди последствий войны до тех пор, пока будет жива память о ней хоть у одного из живых!

21 июня

Сегодня в ночь обрушится война
На старый Брест, на Холмские ворота.
На смертный бой поднимется страна
И первой в бой опять пойдёт пехота.

Бессчётных пушек рявкнет хриплый бас,
Взрочуют танки, взмоют самолеты.
Рванутся корабли, меняя галс,
Во все моря на жуткую охоту.

Эфир взорвется криком позывных
И воздух раскалится от снарядов,
И будет смерть подряд косить живых,
И станет каждый миг страшнее ада.

Четыре года! – битвы тяжкий ад:
Без продыха, жестокий и кровавый.
Но до сих пор везде огни горят –
Огни бессмертных подвигов и славы.

Но до сих пор пропавших свято ждут,
Во здравие в церквях им ставят свечи.
Об убиенных слёзы так же жгут
Глаза и сердце – если плакать нечем.

Всё так же память на войну ведёт,
И беспощадней добивают раны.
И всё внутри невольно вдруг замрёт,
Когда июнь и день – с тем утром ранним...

Сегодня в ночь обрушится война.
Ну, а пока и лист не колыхнётся.
Последний час над миром тишина
И живы все, кто с битвы не вернётся!

23 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА У ДЕРЕВНИ ЧЕРНУШКИ

Памяти А.М. Матросова,
Г.П. Кунавина,
всем воинам,
повторившим его подвиг,
всем защитникам Родины

В окопе – снег с землёю вперемешку,
А пахнет вдруг подснежником, весной.
Сто лет прожить неплохо бы, конечно,
Ну, а пока – покончить бы с войной.

Там, впереди, на склоне у высоты,
Зашёлся лязгом в ДЗОТе пулемёт;
И, кажется: из пуль весь воздух соткан,
Но я уже шепчу себе: "Вперёд!"

Распался миг на тысячи мгновений,
Мне ясно виден пуль слепой полёт,
И надо встать, да силы нет в коленях,
Но я уже сказал себе: "Вперёд!"

Ещё лежу, но в теле есть команда –
Стремительнее тока в проводах.
Я жить хочу! Но ведь кому-то надо
Перешагнуть через себя и страх!

С трудом от снега тело отрывая,
Я, вижу, как в кино, со стороны:
Уже ползу, свой автомат сжимая,
Среди какой-то странной тишины.

Но вот и ДЗОТ. И поздно на попятный:
Так близко вспышки выстрелов видны;
Что не дожил – пусть доживут ребята.
И дай им Бог вернуться всем с войны!

Рывком встаю, о пули ударяясь,
Лечу так долго на проклятый ДЗОТ,
Весною пахнет мать-земля сырая,
Да не ко мне весна теперь придёт.

Удар о землю. Выдыхая тяжело,
Я обнял ДЗОТ как друга - лучший друг.

...Из-за спины рвануло криком: "Сашка!..",
А он лежал, не разжимая рук.

...Опять февраль, такой же озорной,
Поземку гонит, с ветрами танцуя,
Там, где бойцы вставали в смертный бой
За отчий дом и за страну родную.

У старых обелисков и крестов
Подчас уже и некому заплакать,
Но и сегодня сколько новых вдов! –
Жен тех, кто под огнем вставал атаку

Не для бравады, не для орденов,
А просто по-другому не умели.
Над русскими просторами снегов
Поют о них февральские метели...

ГОРОДУ ЛЕНИНГРАДУ

1

Война – от этой темы не уйду.
Пока живу – болею ей и брежу.
И с памятью по Ладожскому льду
«Дорогой жизни» вспять бреду в надежде

Что где-то здесь я встречу вдруг отца
Такого непривычно молодого,
И в том бою с ним буду до конца,
И раны сам перебинтую снова,

В полуторке сам отвезу в санбат,
С ним поплыву по Ладоге туманной...
А может мимо пролетит снаряд?
Не будет ран, машины санитарной?..

Да, чудеса бывают на войне.
Куда там сказкам разным вместе взятым.
Ах, если б наяву, а не во сне,
Вернулись все, кто не пришёл обратно!..

2

...Год сорок первый. Ленинград.
Чуть стих налёт артиллерийский,
Как тут же с воздуха бомбят
По расписанию, садистски.

На краснозвёздный самолёт –
По восемь – с чёрными крестами.
За Мгу и Тихвин бой идёт.
На сотни вёрст – огонь и пламя.

Блокадное кольцо фронтов
Петлёю захлестнуло город.
Снаружи – полчища врагов,
Враг изнутри – смертельный голод.

В тот самый страшный первый год
Никто судьбы своей не зная,
Хотел увидеть, как придёт
Заветный День и наше знамя
Внесут в поверженный Берлин.
И будет солнечное утро.
И на обломках ИХ руин
Напишет кто-то краской крупно:

«За Ленинград!». И на стволах
У пушек, танков в схватке боя
Та надпись всех уже звала:
Звала к Победе за собою!

3

Вдруг память как взрывной волной,
Швырнет безжалостно и слепо
В окоп по-мартовски сырой,
На ту войну, где даже не был.

Родную землю рвет снаряд
И лес оглох от канонады.
А за спиною – Ленинград,
«Дорога жизни» и блокада.

Одна винтовка на бойца,
Патронов – семь, и две гранаты.

Но вновь встают на шквал свинца
Полуголодные ребята.

Встают почти что пацаны:
Ведь им ещё не всем по двадцать.
Нет у войны другой цены –
За жизнь лишь жизнь должна сражаться.

И ртом, распухшим от цинги,
Кричит полуохрипший ротный:
«Вперёд! За Родину, сынки!»
Встают – в огонь прицельно плотный.

...С осколком в голове, отца
Везла полуторка к санбату –
В крови, в бинтах на пол-лица,
Всё рвался он в бреду обратно.

С осколком дожил до седин,
А в День Победы, молча, плакал
Солдат, оставшийся один
Из всех поднявшихся в атаку.

...Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:
Окоп по-мартовски сырой,
Прожектора кромсают небо,

Надсадно канонада бьёт.
К Победе путь ещё так долог.
...Мне жить спокойно не даёт
Застрявший в памяти осколок.

4

По рассказу моего попутчика в электро-
поезде «Каменск-Уральский – Курган»
(май 1986 г.) о боях под Ленинградом в
июле 1942 г.

«...С утра приказ был: наступать.
А пушки – с вечера в болоте.
Одним расчётам – не достать,
За помощью к кому? К пехоте.

Лицом к гнилой воде склоняясь,
Из топи тянем на сухое,
И под колёса, молча, в грязь
Сам лёг один, второй... Такое

Придумать даже – страшный грех:
Живые люди – вместо гати.
Я до сих пор их помню всех,
По смерть мне той высоты хватит...

И сходу: «По врагу – огонь!»,
Едва успели окопаться,
В ушах от взрыва жуткий звон –
И больше я не смог подняться.

Казалось, будто голова
Распалась сразу на две части,
И кровь лилась по рукавам,
Пока стянуть пытался каску...

Вот так закончил я войну:
Очнулся только в медсанбате.
Те пушки в каждом сне тяну...
Прости, сынок, вдруг сердце схватит» -

Тут мой попутчик замолчал,
Лишь дёрнул у рубахи ворот.
Вагон мотался, нас качал
На стрелках – мы въезжали в город.

И безымянный мой сосед
Ушёл с толпою пассажиров,
Пока готовил я ответ:
«Спасибо Вам, от всех, кто живы,

От всех, кого тогда спасли
В своём бою под Ленинградом»,
И имя не успел спросить,
Пока в купе сидели рядом.

...Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:
Я вижу свой окоп сырой,
Прожектора кромсают небо,

Подсумок, фляга на ремне,
Туман болот под Ленинградом...
Всю жизнь взрываются во мне
Не долетевшие снаряды...

ЛАДОГА

С утра на Ладогу туман
Лёг белым пухом непроглядным.
Опять уходит караван
К Большой Земле из Ленинграда.

На белых флагах – Красный Крест,
Но лучше пусть туман не тает:
Ведь «мессер», взяв цель в перекрест,
Здесь никого щадить не станет.

Носилок, раненых – битком
На палубах. А в трюмах – дети,
От голода – белей бинтов:
За что им это лихолетье?

Все звуки остро ловит слух:
Лишь волны бьются в стены трюма.
Над палубой – тумана пух.
На барже – раненая юность.

Так тихо – будто уже тыл,
Как будто не вчера здесь выли
Чужие бомбы с высоты,
И взрывы солнца свет затмили.

Спасенья не было нигде,
И гарью пахло до удушья,
И сиротливо на воде
Качались детские игрушки.

...Доплыли. Сходу, спешно, в тыл
Грузились в санитарный поезд.
Но сколько тех, кто не доплыл,
Остались, Ладога, с тобою?

Войны короткий эпизод,
Где случай жизнь дарил вслепую.
И был июнь – шёл второй год
Сражений за страну родную.

КУРСАНТЫ

На обратной стороне фотографии отца
надпись фиолетовыми чернилами:
«Полковая школа. Второй полк связи.
г. Ленинград. Зима 1940-1941 г.
Баров, Сергеев, Сычёв»

1

Глухая ночь. Все в доме спят.
Неслышно сны порхают стаяей.
Был День Победы и Парад,
Светилась цифра «60»,
Гвардейской лентою сверкая.

В полнеба полыхал салют,
И пели песни фронтовые
От сердца, как сквозь боль поют
Тем, кто уже в другом краю,
Но кто для нас – всегда живые.

Их голоса, их кровь и боль
В виске пульсируют набатом:
Бессонной ночью снова в бой
Их память нас ведет с собой
От Дня в июне к Дню Парада.

2

Курсанты школы полковой,
Последний мирный выпуск летний.
Одним – окоп передовой,
Другим – в десант, блокада – третьим:

«Запас», «негодный к строевой»,
Учить ускоренно «морзянке».
Им хлеба в день – накрыть рукой,

Дрова – самим рубить в делянках.

А холод страшный – как назло,
Топор – кувалды тяжелее,
Бревно тянуть через сугроб:
Ознобный жар лишь тело греет.

А вечером – нелегкий путь
Наряда патруля дозором
С приказом на суровый суд:
Расстрел на месте мародеров.

Ни дистрофия, ни цинга
Вас в лихолетье не сломила:
«Хотя бы одного врага
Убить, пока подняться в силах!»

С тем уходили вы на фронт,
Не долечившись в медсанбатах.
Блокадный сорок первый год
Был шаг к Победе в сорок пятом.

3

Сергеев, Баров и Сычев,
И мой отец – он крайний слева.
Война не началась ещё.
Начался год лишь сорок первый.

Ваш снимок – как он уцелел
И на войне, и в годы после?
Что патефон тогда вам пел,
Уже не спросишь – слишком поздно.

Курсанты школы полковой,
Второй полк связи, выпуск летний:
Вдруг кто из вас ещё живой?..
Молчат. Нет сна в поре рассветной.

Их не вернуть из тишины.
Отец не сядет у постели...
Мы все – осколки той войны,
Что до сегодня долетели.

ПОРА ПОСЛЕВОЕННАЯ

Пролог

А где-то ждали нас дороги,
врывался свежестью сквозняк,
плыл над землёю месяц строгий,
послевоенно спал барак.

Сирень вовсю благоухала,
роняли звёзды небеса,
рассветы вспыхивали ало,
вскипала на траве роса.

Вставали павшие в атаки,
ночной покой живых храня...
Там шла война, а здесь, в бараке,
Жизнь начиналась для меня.

С тех пор со мною неделимы
барак послевоенных лет,
Россия – отчий край любимый
и детства алый тот рассвет.

1

По десять комнат с каждой стороны
вдоль длинного сквозного коридора:
построенный на третий год войны
барак – мой первый в жизни дом, с которым

я связан неразрывно, навсегда –
не детством, а всей памятью своею.
Из всех разлук я прихожу сюда,
где он стоял – и места нет роднее

на всей Земле среди прекрасных мест
с их дивными чужими чудесами.
Одно богатство я сочту за честь:
родство с послевоенными годами.

2

Пора послевоенная – с бараками:
за счастье – комнатенка для семьи,

пусть стены в ней пока обиты дранкою,
а штукатурить их – жильцам самим.

В бараках магазины и столовая,
роддом и школа – трудный скромный быт.
Для многих даже родина здесь новая:
в войну с заводом в тыл пришлось отбыть.

Что ни семья, то – фронтовик: кто – раненый,
кто – инвалид; над койкой – снимки в ряд
родных мужчин – с надеждой-ожиданием:
а, может, жив кто и придет назад?..

Как ближе к лету – разговоры страшные:
«По всем приметам – быть войне опять!»
По праздникам – столы с закуской вскладчину
и с бражкой: гулять – так уж гулять!

В разгар веселой пляски с хлестким хлопаньем
по голенищам да под свист лихой,
вдруг женский крик: «Ой, где ты сгинул, сокол мой!..»
плеснется обжигающей тоской...

3

А отпуск – обязательно с поездками
к родным в свой отчий довоенный дом:
в «пятьсот веселых» - с битвой за билетами,
с вагонами, набитыми битком,

насквозь в пыли от дыма паровозного,
четыре дня пути в один конец,
с знакомствами - простыми и серьезными:
«Где воевал?» « Где ранен был, боец?»

Рязанские, тамбовские и курские
- смешала вас военная метель! –
до боли в сердце – все родные, русские,
уральские, сибирские теперь,

в другой земле схоронят ваши косточки,
вдали от дорогих душе краев.
Но до последних дней, последней ночечки,
вы пронесете к ним свою любовь...

Пора послевоенная – особая:
хоть тень и след войны лежит на всём,
под свист мальчишек птицы мира-голуби
с утра взмывают в выси окаём.

Овчарки – на военной регистрации,
госномер нужен на велосипед,
но в клубе – вечера с оркестром, с танцами,
и модницы оделись в креп-жоржет.

В квартирах с теснотой коммунальной
проходим поздним есть всегда ночлег,
полным-полны столовые и чайные,
но много инвалидов и калек.

Любой и день, и час – такие яркие,
и жизнь, как будто, началась с нуля:
с фундаментов домов, дорожек парковых,
разбитых в выходной на пустырях.

Пора послевоенная – нелегкая:
Куда ни глянь – на всем войны следы,
Как детство – недоступное, далекое,
Мне с каждым годом все дороже ты!

**   **   **

Дома в те годы строили войска.
Крушил лачуги лихо танк без башни.
Война для всех была еще близка,
Жила во всем в своем соседстве страшном.

Через поселок наш ходил стройбат:
От стройки – до ворот их Энской части,
А мы слетались стайкою галчат,
Со строем рядом шли, сияя счастьем.

Шли гордо дошколята-пацаны,
Рожденные в бараках, коммуналках,
Шли как на самый главный бой войны,
Прижав к плечам оструганные палки.

Под песню взвода, перестроив шаг,
И, не жалея стареньких сандалий,
Шли в бой, где ждал нас ненавистный враг
На той войне, которой мы не знали.

Но знали точно: чей отец убит,
Чей – инвалид и чей кричит ночами
Как будто в танке до сих пор горит,
Сбивая пламя голыми руками.

И жгла обида как своя вина:
Нам слишком поздно выпало родиться.
Но если вновь обрушится война,
То отомстим за все проклятым фрицам!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Детство голоногое моё!
Сколько счастья – просто быть мальчишкой:
Мы сегодня на парад идём!
Заводской АН-2 скользит над крышами:

С неба разноцветная метель
Засыпает улицы листовками.
Хочется взлететь или запеть.
Щеголяет детвора обновками.

Духовых оркестров разнобой,
От медалей – солнечные зайчики.
Золото знамён над головой
И шаров взлетающие мячики.

У подъезда фронтовик-сосед
Костылём стучит не в такт мелодии,
И багряно полыхает свет
На эмали боевого ордена.

Верится, что враг везде разбит
И победа навсегда за нами!..
Почему ж заплакал вдруг навзрыд
Инвалид, закрыв лицо руками?

...В кепке, в старом сером пиджаке,
Добела под мышками истёртом,
Выходил он посидеть в теньке,
«Козью ножку» свертывал с махоркой.

Не любитель много говорить,
Слушал шум двора и птичье пенье.
Не спеша, сигарку докурив,
Шёл домой: все двадцать шесть ступеней

Без протезов – горькая нужда! –
Стиснув зубы, штурмовал раз в сутки.
И шутил: «Ну, летом – ерунда!
Вот зимой – в каких ходить обутках?»

В холод он и впрямь не выходил,
Видно прав: какой с него гулёна...
Тихо, незаметно рядом жил,
Ждал тепла, раз в месяц – почтальона.

Что он думал, вспоминал? Последний бой?
Как без ног очнулся в медсанбате?
...Только умер, брошенный родней,
В богадельне, на чужой кровати...

А пока – он жив, и май опять:
Самый главный праздник для солдата!
В полный рост стараясь тверже встать,
Как он в бой вставал не раз когда-то,

Посреди пятидесятих лет
Костылём победно салютует,
Будто вправду отыскал ответ:
Больше никогда войны не будет!

Детство промелькнувшее моё!
В День Победы – не унять тревоги –
Вижу: с костылями наотлёт
В полный рост встаёт солдат безногий!..

**   **   **

Так много фильмов и рассказов,
Что к жизни вызвано войной!
А мы роднились с нею сразу
Отцовской кровью фронтовой,

Осколком, навсегда засевшим,
И грубыми рубцами ран,
Стянувших кожу возле сердца, -
Всё от войны осталось нам.

Кресты могил родных, награды,
И фото довоенных лет,
И письма на листках тетрадных,
И в чёрных штемпелях конверт.

Их голоса, когда не спится,
И совесть поедом грызёт...
С войной пришлось нам породниться
В тот самый сорок первый год.

**   **   **

Никто не возвращается с войны:
Все остаются у неё в плену.
Вся память и душа войной полны,
И без неё – ни жить и не вздохнуть.
Никто не возвращается с войны!

Для каждого война – всегда своя,
Но войн чужих на свете не бывает.
Кресты погибшим рядом в ряд стоят,
И в сердце боль войны не убывает.

Герой или безвестный рядовой,
Для каждого война – сквозным раненьем.
В моей стране, в России дорогой,
Та боль войны есть в каждом поколеньем.

Никто не возвращается с войны!
Её победы и утраты равно святы.

И, молча, среди мирной тишины,
Склонимся перед подвигом солдата.
Никто не возвращается с войны!

**   **   **

В который раз Победный Май
Расцвёл над мирною землёю.
Закрой глаза – не закрывай:
Война стоит перед тобою.

С рождения бросает нас
С отцовской кровью фронтовою,
Всей страшной правдой без прикрас,
В гром несмолкающего боя.

Встаём на тех же рубежах
Под Брянском, Лугой, Ленинградом,
Где снова мы и смертный враг
Сойдёмся в схватке беспощадной.

Всем, кто погиб и кто живой,
Не будет никогда отставки.
И каждый день к передовой
Уходят роты на отправку...

И снова будет Май цвести,
И птицы в небесах зальются.
И нашей памяти полки
Плечо к плечу навек сомкнутся.

Здесь за Россию нам стоять:
Пусть отдохнут отцы и деды,
И детям, внукам передать
Передний край и Стяг Победы!

МОЙ АДРЕС – КУРГАН

Мой адрес «Курган» много лет
Не в паспорте – в сердце моём.
Везение это иль нет,
Мы вместе по жизни идём

От юности и до седин,
Сквозь счастье и горечь утрат.
Я с ним никогда не один,
Он рядом со мною как брат.

Как старший и мудрый мой брат,
Что даст самый нужный совет.
Пусть годы летят на закат,
И пусть запасных к ним нет,

Но есть этот город, река,
И есть Зауралье – наш край,
Есть нивы его, облака,
Бездонное небо и май,

И пение птиц в вышине,
И детский залиvistый смех!
Вы, может, не верите мне:
Я всё же счастливее всех!

**   **   **

Холодный март и полночь за окном.
Вот-вот – апрель, а всё – мороз, метели.
Тень на стене сломалась под углом
И примостилась к краешку постели.

Стучатся тихо ветви по стеклу,
Стекло им откликается со звоном.
Мурлычет кот сквозь сон в своём углу.
Сквозняк прокрался от дверей балкона.

Мой город спит. И спит ещё Тобол,
Готовясь лёд взломать своею мощью.

Спит и луна, небесных звёзд посол,
Укрывшись в тучи в тихий час полночный.

Спит мой Курган. Он за день так устал.
Дороги сонно выгибают спины,
Когда по ним, сверкая светом фар,
Куда-то в тьму проносятся машины.

Спокойной ночи, город мой родной!
Вот-вот – апрель с широким половодьем,
С его тревогами, нарушат твой покой.
Ну, а пока поспи ещё сегодня!

МОЙ ДРУГ ФОНАРЬ НА УЛИЦЕ ОРЛОВА

Всю ночь фонарь заглядывал в окно
– Ну что ему второй этаж всего лишь!
Мы подружился с ним давным-давно,
Не только дату – год уже не вспомнишь.

В бессонные часы – надёжный друг,
Плечо к плечу – молчал со мною рядом.
Но если мне спросить хотелось вдруг,
Он отвечал спокойным светлым взглядом.

Когда же я зашторивал балкон,
Желая быть один на целом свете,
Тем дружбы нашей преступив закон –
Ни разу он упрёком не ответил.

И золотую голову свою
Беззвучно положив на подоконник,
Он ждал, когда я двери отворю,
И свет его заполнит мне ладони.

И снова вместе будем мы молчать
И слушать шум ночной далёких улиц,
А если мне захочется вдруг спать,
Он до утра мой сон покараулит.

**   **   **

Снова небо над миром весеннее.
Солнце. Мимозы. Март.
Снова бессонница. Сердца смятение.
Гомон птичий и гвалт.

Мука назревших признаний несказанных:
Девушка, женщина, мать –
Самые нежные, самые важные,
Где слова отыскать?

Вы нас родили, растили, лелеяли.
Кто б из мужчин так смог,
Если ему отмерять вашей мерою
Боли, забот, тревог?

Бабушка, мама, сестра и любимая,
Дочь, коллега, жена –
Самые нежные, неповторимые,
Вы – наша жизнь и весна.

С гомоном птицы в небо срываются
Солнце в крылья ловить!
Пусть все желания ваши сбываются!
Мира вам! Счастья! Любви!

**   **   **

Эта ночь тянулась как обычно:
В беспокойной дрёме, в духоте,
Холодильник пел мотив привычный,
В изголовье кот во сне сопел.

Он же перс, они к жаре привычны.
Скоро май, а топят как зимой.
ТЭЦ у нас работает отлично.
Потому и счёт от них большой.

Вот насчёт счетов и есть тревога:
Где найти взаимный компромисс –
Может ТЭЦ убавит пыл немного,
Чтобы деньги в доме завелись?..

НЕПОГОДА

...Третий день моросит. Непогода
Разогнала людей по домам.
Разговоры о времени года:
– Цвет черёмухи – он к холодам.

Третий день моросит. Зябкий холод
В дом прокрался. Знобит и знобит.
Тёмный свет. Тёмный день. Тёмный город.
Третий день моросит, моросит.

Третий день моросит. Даже ночью.
Лужи даже вдоль трещин крыльца.
Ветер что-то сумбурно лопочет.
Небо с тучами цвета свинца.

Третий день моросит. Свежесть листьев
И травы манит их ворошить.
Яблонь цвет млечно-белый. Не спится.
Май, весна. И так хочется жить!

**   **   **

Полощет тополь ветви на ветру
И тянет листья к солнечному свету,
И лижет луч шершавую кору:
К исходу май. И скоро снова лето.

Тобол угомонится и спадёт,
Волной лаская набережной камни,
И отразит вдруг облаков полёт
Венецианской глубиной зеркальной.

Ещё все краски яркие и свежи,
На клумбах в рост топорщится рассада,
Пчелиный рой уже с утра жужжит
Над ведрами цветочниц у горсада.

У драмтеатра гнезда вьют грачи,
И на «Советской» все деревья в гнёздах.
За тучи прячась, первый гром ворчит,
Порывы ветра пахнут небом звёздным

И первой свежескошенной травой,
Оставленной до завтра на газонах.
И люди не торопятся домой,
Гуляя в платьях летнего фасона.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Особой яркой свежестью июньской
Клубилась зелень, мимо проносясь,
И девочка с косичкой-загогулькой
Сидела рядом с папой против нас.

Наверно, скучно было ей без дела
И надоела жёсткая скамья,
И на сиденье встав, она запела:
«Пусть будет солнце, мама, буду я...»

Спокойно и серьезно, как молитву,
Один куплет допела до конца,
И, подложив под голову свой свитер,
Уснула на коленях у отца.

А тот, прикрыв певуню ветровкой -
С утра – прохладно, да ещё сквозняк,
Погладил нежно русую головку
И улыбнулся дочке. Пусть никак

В её молитве он помянут не был,
Но знали оба, видимо, без слов:
Где будет мама, дочка, солнце, небо,
Должна всегда быть папина любовь!

А девочка спала. На остановке
Отец унес её, не разбудив,
Всё также нежно кутая в ветровку,
И пел сквозняк знакомый всем мотив:

«Пусть всегда будет солнце...»

**В КАФЕ «НОВАЯ ЭРА»
НА ПРОСПЕКТЕ МАШИНОСТРОИТЕЛЕЙ**

... Память – не нарочно ли?
Сколько раз бывало! –
Тут как тут непрошено,
И ей горя мало...

То кафе дорожное!
Свадьба. В центре зала
На тебя похожая,
Девушка плясала.

Слишком много прожито,
Не начнёшь сначала.
Что же ты, хорошая,
Раньше не сказала

Про разлуку долгую
В жизнь мою длиною.
Шёл я той дорогою
Стороной другою.

Шли за днями месяцы,
Годы вслед мелькали,
Но в надежде встретиться
Таяли печали.

Только вот от схожести
Чьих-то лиц с тобою
Обомрёт встревожено
Сердце и с тоскою

Вечером заснеженным,
Ночью ли бессонной,
С грустью, с болью, с нежностью
Будет всюду помнить

То кафе дорожное
И как в центре зала
На тебя похожая
Девушка плясала...

КОНЕЦ АВГУСТА

1

Низкие густые облака,
Шелест шин по мокрому асфальту;
Медленно рождается строка,
На стекле написанная пальцем.

И, петляя поперек строки,
Капли вниз срываются куда-то...
Чем-то позабыто дорогим
Мягкий сумрак веет предзакатно.

В тишине лишь изредка – шаги:
Гулкое звенящее стаккато...

2

Давний дождик еле моросит,
Облака от сырости провисли;
Зябко клён под каплями дрожит
Без конца отряхивая листья.

Настежь в ночь раскрыта дверь балкона,
Где-то в доме пол зашелся скрипом.
Эхо коридором улиц сонных
Добежало, вскрикнуло со всхлипом.

Расползлись по мокрым стенам тени,
Надломившись краем к тротуарам.
Свежесть пахнет холодом осенним,
Давний дождик моросит устало...

3

Огни фонарей косяком журавлиным
Летят над асфальтовым уличным плёсом,
Над жухлой травой, пропахшей бензином,
Над лабиринтом пустых перекрёстков.

Редких светящихся окон квадраты
По гулкой ночной темноте
За фонарями вдогонку куда-то
По межпланетной летят пустоте...

**   **   **

Я помню, как в детстве мне нравились очень
Забавные звуки заманчивых строчек,
И хоть алфавита тогда я не знал,
Строку за строкой наизусть повторял:

«Матросская шапка, веревка в руке.
Тяну я кораблик по быстрой реке.
И скачут лягушки за мной по пятам,
И просят меня: «Прокати, капитан!»

Когда говорить начала моя дочка,
И ей полюбились забавные строчки.
Куда там мальчишкам! – юла, сорванец,
Любила твердить, как и в детстве отец:

«Матросская шапка, веревка в руке.
Тяну я кораблик по быстрой реке.
И скачут лягушки за мной по пятам,
И просят меня: «Прокати, капитан!»

Теперь уже в школу пошла моя внучка,
И много стихов там читает и учит,
Но любит сама для себя повторять,
Как дед повторял, как читала ей мать:

«Матросская шапка, веревка в руке.
Тяну я кораблик по быстрой реке.
И скачут лягушки за мной по пятам,
И просят меня: «Прокати, капитан!»

Те строчки, наверно, невольню нас звали,
В чудесные дали, где мы не бывали,
Несбыточных снов, навевая печаль.
Для каждого детство – заветная даль,
Где после дождя, босиком и вприпрыжку,
По лужам бегут беззаботно мальчишки...

БАБУШКА ТАНЯ

Она двух мужей схоронила,
Растила одна дочь и сына.
А в трудные дни шутила:
– Крест каждому дан по силам.

И все говорили: – Смеётся,
Значит, сумеет, осилит.
Такое ль видали под солнцем,
Под небом российским синим!

... У дочери внук подрастает:
Бесценный, любимый росточек;
Как хвостик – за бабушкой Таней,
Про что-то своё ей лопочет.

И вот уже сын женился,
И что ещё нужно вроде?
Но как бы любой удивился,
Увидев, к а к она бродит

По комнатам опустелым,
Когда – ни детей, ни внуков,
А следом – две тени несмело...
Да, жизнь – непростая штука!..

А.С. ПУШКИНУ

Из цикла «19 октября»

1

Ночь. Июнь. И поезд за окном
Где-то гулко на стыках грохочет.
За раскрытой дверью на балкон
Эхо вторит звукам слишком точно.

Нет ни на минуту тишины:
То комар звенит, то шум машины,
Лай собаки, дождь, шаги – слышны
Близко-близко копией наивной.

Тополь вдруг листвою зашелестит
Ласково и чуточку тревожно.
Кажется, что город и не спит,
А вздыхает рядом осторожно.

Темнота погасит звуки все,
Спрячет в черноты мешок бездонный
И в окне останется висеть
Шторой непроглядной вдоль балкона.

Ночь. Июнь в двухсотый с лишним раз.
Ползают по небу сонно тучи.
Жил Поэт. Уже тогда – для нас.
И себя глаголом жёг и мучил.

2

Опять Лицейский месяц на двор.
Года, как новобранцы, – вереницей
Столетье с лишним. Только в октябре
Такое чудо и могло случиться:

Союз нерасторжимый тех сердец
Своею чистотой пленит невольню.
Столетье с лишним терний их венец
В сердца другие отдаётся болью.

МОИМ РОВЕСНИКАМ-ДРУЗЬЯМ

«Роняет лес багряный свой убор...»
«19 октября», А.С. Пушкин

Опять роняет лес убор багряный.
Дни лета бабьего прозрачны и ясны.
И, вроде б, холодам ещё так рано,
И, вроде б, так далёко от весны.

Вернее – сердце так весною полно,
Что видишь, как в небесном далеке
Меж облаков, холмящихся как волны,
На крыльях журавлиных налегке,

Мальчишкой босоногим в детства сказки
Ты уплываешь... Много ль надо нам?
Под настроенье, свистнув залихватски,
Подбросить сходу кепку к небесам!

Ну, здравствуй, осень! До свиданья, лето!
Ещё на шаг ушли мы от весны.
Но день любой, пусть самый незаметный,
Всегда весны родной, желанный сын.

И пусть роняет лес убор багряный,
И где-то близко прячется зима,
Но сердце, как и прежде утром ранним,
От радости вот-вот сойдёт с ума...

**   **   **

Каким-то вовсе бесконечным
Казалось детство. В зимы, вёсны
Не раз мечтали мы беспечно:
- Ну, поскорее бы стать взрослым!

И гнали Время: - Мчись быстрее
В свои неведомые дали!
И вот нежданно к юбилеям
Уже сегодня прискакали.

И захотел бы – не вернёшься
Туда, где с удочкой над речкой
Сидит мальчишка-несмышлёныш,
Считая это утро вечным.

И нет еды вкусней на свете,
Чем чёрствый чёрный хлеб прикорма.
Ты детства утро не заметил,
Теперь вернулся бы – да поздно!

Вот речка та, а вот – то место,
Вновь крошки хлеба на газете.
Как миг мелькнуло твоё детство,
И жизнь – всего одна на свете...

БАЮ-БАЮШКИ, БАЮ

Нашим внукам

Кажется, ещё вчера
Мы под вечер тихо пели:
- Баю-баю, спать пора!
Пели возле колыбели

Своих крохотных детей,
И под «баюшки» мечтали:
- Подросли бы поскорей.
И они повырастали

Словно в сказке – по часам:
Оглянуться не успели –
Внуки ручки тянут к нам,
И опять у колыбели

Мы поём им: - Баю-бай,
Поскорее засыпай,
Подрастай родной малыш,
Миг мелькнёт – ты улетишь

К взрослой жизни. Как и мы,
Среди сонной тишины
Будешь петь ты: - Баю-бай,
Спи, малыш мой, засыпай...

Из нехитрых вроде слов
Прорастала вдруг любовь
К мамам, бабушкам, отцам:
Где бы прятаться ей там?

Может, есть напевы лучше,
Но из века в век поют:
- Спи, родной мой, солнца лучик,
Баю-баюшки, баю...

НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Я ПИШУ ТЕБЕ

Я пишу тебе письмо. Давно пишу. Почти каждую свободную минуту.

Я пытаюсь найти слова: самые точные, самые необходимые, самые убедительные. Но не нахожу их. Иногда, в самое неподходящее время – в спешке неотложных дел, разговоров с друзьями, во сне (особенно – во сне) – они начинают становиться почти осязаемыми, но, так и не став конкретными звуками, опять исчезают куда-то, словно стараясь спрятаться от меня как можно дальше. Наверно, поэтому я никогда не смогу закончить это письмо.

Нет, бывают, конечно, минуты, когда у меня получаются даже целые предложения. Я пытаюсь их запомнить, хватаюсь за ручку и бумагу, начинаю торопливо записывать, но тут же прекращаю свою очередную попытку, едва взгляну на написанное мной: там вообще получается что-то совершенно другое, что, ну, никак нельзя даже приблизительно назвать письмом к Любимой.

Наверное, есть люди, для которых не составляет труда описать свои чувства, переживания. Я не из их числа.

Поэтому я пишу тебе не за письменным столом, а там, где я есть в это время: в автобусе, в дороге на работу или возвращаясь домой... Но, повторяю: я не нашёл ещё ни одной достойной тебя фразы.

А, может быть, я однажды всё же напишу хотя бы небольшой отрывок письма и даже решусь его отправить, не перечитывая: просто вложу лист в конверт, и прощусь с написанными строками.

Но, скорее всего, я так никогда и не напишу своего самого главного письма, но я хочу, чтобы ты знала, что я очень хотел написать его тебе...

**   **   **

Как я пишу? Да так вот и пишу:
Из темноты по слову выбирая.
И до утра, боясь забыть, ношу
Их каждый звук в себе. И боль такая...

И бережней последнего глотка
В бокале хрупком, утром их – к тетради:
Скорее записать. Потом – тоска:
Кому они? Зачем? И Христа ради

Молить, искать строку той чистоты,
Какая в каждом эхом отзовется.
Когда пишу – живу. Что проку в них,
В словах? А нет их – не живётся...

**   **   **

Мои стихи!.. Бесценный хлам души,
И крест, и рай, и крылья, и оковы,
Родное горе, что других смешит,
И разум с телом врозь в дороге к Слову.

Судьба, в которой всё вперекосьяк,
Чужая память, что себя роднее,
Любовь, какой вовек мне не простят,
Мой хрупкий кров, мой сон: ты кем навеян?

**   **   **

Вдруг вспомнится – приснилось что ли?
Кто этот день наколдовал? –
Под лампой тусклой в коридоре
Глаза родные целовал.

Мигала жёлтым нить накала,
Тянулся нашей тени клин.
На кончиках ресниц дрожало:
"Не обмани..."

И эти руки, эти брови:
Где явь, где сон – не разберёшь.
Глаза к глазам с душою вровень
И губ нечаянная дрожь.

Капризы памяти всего лишь.
Любить – лишь памяти каприз.
Но отчего душе так больно
Дрожать на кончиках ресниц?..

**   **   **

«Спасибо, дорогой, за всё!», –
И взмах руки от перекрёстка.
Не отпускать бы мне её!
Любить – не так уж это просто.

Секундной стрелки остриё
Дрожит и жметя вправо, вправо.
Опять не вместе, не вдвоём.
Любить – не лучшая забава.

Три тысячи шестьсот секунд,
Три тысячи шестьсот дрожаний –
Всего лишь час? Часы всем лгут
Из глупости иль подражанья

Игре старинной в колесо:
Судьбы-разлуки, дали-вёрсты.
«Спасибо, дорогой, за всё!», -
И взмах руки от перекрёстка...

**   **   **

Воспойте Женщину!
И вам не хватит слов
На взмах ресниц,
На тень полуулыбки,
С какой она приходит среди снов,
А ты не можешь к этим снам привыкнуть.

Воспойте Женщину!
Попробуйте воспеть
Движение её руки навстречу,
Или её молчание в ответ,
Когда перед мгновеньем
Меркнет вечность.

Воспойте Женщину!
Рискните описать
Тот первый взгляд,

С которым всё началось,
И очерк букв
На линиях листа
Письма в тот день,
Когда она прощалась.

Воспойте Женщину!
Разрушьте все слова.
Из звуков прежних
Новые составьте...
А лучше просто
– Есть иль нет талант –
С упрямством рыцаря
Её повсюду славьте!

**   **   **

Я переполнен памятью о нас:
За столько лет так много не забылось!
Мне и теперь обрывки мыслей, фраз,
Спать не дают, пусть даже жизнь свершилась.

За столько лет так много не забыть,
И день за днём идти – всё дальше, дальше...
Почти без писем и звонков – но жить,
Не допустив меж нас ни грана фальши.

За столько лет от встречи той вдали,
С незримою чертой последней рядом,
Зачем-то сердце, как тогда, болит:
Не для словца – а всем нутром, взаправду...

Так много дней и лет! И все – поврозь.
Подчас и сам себе уже не верю.
Но память по ночам, незванный гость,
Без спросу для себя раскроет двери...

НЕНУЖНАЯ ВЕРНОСТЬ

Ты в снах моих, в бессонницах – всю жизнь.
Пусть это правда, но звучит фальшиво
Нагромождением ненужной лжи,
Где всё, как в первый день, зачем-то живо.

Зачем-то снится тот далёкий дом,
Окно в конце пустого коридора,
Где до сих пор стоим с тобой вдвоём,
А за окном вздыхает спящий город.

Над ВИЗом то же зарево огней,
И март с водою талой вперемешку
Бушуют всюду с каждым днем сильнее...
Так всё реально, словно в злой насмешке:

«Смотри и помни! Помни до конца
Её глаза и взмах ресниц навстречу!
И – навсегда! вовек! – овал лица
В далёком марте, как весна, беспечно!»

Ты шла за мной повсюду в снах моих,
Была поврозь – неповторимо рядом.
Мелькнула жизнь быстрее, чем краткий миг
На взмах ресниц любимых – без пощады.

Забыть тебя – и жить вольнее птиц,
Ненужной верности порвать все путы,
Взмыть в небеса над взмахом тех ресниц!..
Вдруг так случись – и я умру в то утро.

**   **   **

Я для тебя давно – лишь голос в трубке,
Где перед прошлым – только я и ты.
Мост памяти порою слишком хрупкий,
Но всё же – мост, и он, как все мосты, -

Суть переправа – из вчера в сегодня -
Всем, кто дорогой долгой с нами шёл,
Пусть для одних «сегодня» – яркий полдень,
А для других – на красном – чёрный шёлк.

Жить на мосту, над пропастью бездонной,
Не зная даже, рухнул ли мой мост,
И кочевать бессонно и бездомно,
Храня у сердца свет погасших звезд...

Невидимое время где-то тает.
Ты – далеко. Осталось лишь звонить.
Наверно, ты сейчас совсем другая,
А я тебя так и не смог забыть.

Всё – позади. И я – лишь голос в трубке,
Летающий сквозь прошедшие года.
И над моим мостом – последним, хрупким –
Твой голос слышен эхом в проводах.

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Извини! Но даже жизнь спустя,
Разволнуюсь снова как мальчишка,
Голос твой услышав. Если б я
Мог его забыть! Но так уж вышло:

Помню слово каждое твое
Из нечастых наших разговоров,
И ресниц густых над взглядом взлет –
Взглядом, что необъяснимо дорог,

И твой мягкий, с придыханьем, смех,
Пуха тополиного сугробы
Вдоль аллеи нашей... – столько вех,
Памятных до нервного озноба!

...Отвечать, сбиваясь, невпопад,
Слушать голос долгожданный в трубке,
И держать ее в ладонях так
Нежно, как когда-то – твои руки.

Даже захотел бы – не забыл.
А теперь и забывать-то поздно.
Память, где-то превращаясь в пыль,
Видимо, была основой звездам.

И с рожденья оставаясь в нас,
Вдруг собой встревожит, как мальчишку.
Время беспощадно. Но сейчас
Как и прежде, я твой голос слышу,

Даже если не сбежать назад
В день, оглохший от грозы весенней,
Даже если за окном закат
С маленькой пометкою «последний»...

**   **   **

Этой зимою так мало вдруг выпало снега,
Лишь голова моя больше к весне побелела.
Ты недоступней звезды с ясным именем Вега.
Имя твоё шепчут губы. Что с ними мне делать?

Правду искать у души по окраинам, что ли?
Что там найдёшь в горах памяти лет отлетевших?
Странно зимою чернеет бесснежное поле.
В звёзды влюбляться, наверное, странно, конечно.

Снег, как и жизнь, незаметно и тихо истает.
Что же о жизни скажу я, представ пред Всевышним?
Я не постиг Его самые главные тайны.
Снова зима за окном пролетает неслышно...

**   **   **

Полночь. Бессонница. С улицы – крики,
Свист, полупьяный галдёж.
Дождь по листве шелестит тихо-тихо.
Ты никогда не придёшь.

Не обопрёшься рукой на обои,
Туфли, пытаюсь снять.
Лёгкий сквозняк невесомой рукою
Штору ласкает опять.

Ты не придёшь. И без слов всё понятно.

Нет никаких обид.
Просто – не любишь. И это – не спрятать.
Сердце зачем-то болит.

Полночь с балкона к постели прокралась,
Свет фонарей расплескав.
Села в ноги, подоткнув одеяло,
Что-то невнятно и нежно шептала,
А что – не понять никак...

**   **   **

Пишу. Всё – как прежде:
    ни лучше, ни хуже.
Просто сейчас
    одни нервы снаружи.
Просто сейчас
    каждый звук меня ранит:
Нервов скольжение –
    до крови – по грани
От звуков до песен –
    к листам снежно-белым.
И с белым лицом,
    как испачканным мелом,
И белым губам,
    в одну линию сжатым –
Ни ноты фальшивой,
    ни шагу в попятный
От боли невыносимой
    гулких хоралов:
«Ты здесь ходила.
    ты здесь стояла.
Здесь – танцевала,
    смеялась, сидела...»
Нервы – снаружи,
    с лицом белым-белым,
Мне это – помнить
    и втискивать в нервы:
Втискивать смех твой
    и каждое слово
В нервов скольжение
    по грани – до крови.
Но ты не пугайся.

Со мной – всё, как прежде:
Ни верной руки
и ни знака надежды,
Разрывы, разлуки,
в ответ – ни полслова.
...Нервы снаружи –
в капельках крови.
В мире моём
всё так строго и просто:
Бумага, перо,
без ответов вопросы.
А ты не гнала,
даже если не нужен.
Спасибо!
Прости мне за нервы снаружи...

** ** *

Ночь – о тебе... И в часы предрассветные –
Слов – от души – через мозг – кровоточие
В строки стихов. Но листы те заветные
Нас не приблизили. Днём ли, иль ночью ли

Я для тебя – как и был – только пишущий
Песни тебе предрассветные, ранние.
Видно, не так я тебе что-то вышептал
В сердца Писании, в нежнописании.

Снова ночь кончилась. Снова в ней выжил я.
То – не заслуга моя: поражение.
Только слова, что по сердцу – вдоль – выжжены,
Стали пера по бумаге скольжением...

ЧТО ТЕБЕ НАПИСАЛ

1

Что тебе написал – это только для нас.
Это – больше, чем ЗАГС, ночи с кем-то в постели.
Всё, наверно, давно решено в небесах,
В нервы вписано наши и в клеточки тела.

Был то Промысел Божий, иль Промысел Звёзд –
На Земле не постичь. Но решай, как считаешь.
Даже если не любишь и если уйдешь –
Ты меня не забудешь ни с кем, дорогая!

Может, здесь лишь привычка на Вышних кивать,
Кутать козни свои в мишуру звёздной пыли –
На Земле ни постичь, ни душой не объять,
К а к мы любим, когда нас совсем не любили!..

2

Что тебе написал – всё порви и забудь:
От меня в тех листах – только строки и знаки
Смутным очерком дней, схожим разве чуть-чуть,
Бесприютных скитаний волшебные враки.

Из твоих «Я приду» или «Я позвоню»
Целый том написал ожиданий напрасных.
И страницы его, предавая огню,
Ещё больше люблю наши взрослые сказки.

И ты тоже сожги все стихи и забудь:
Слишком дышат душой эти строки и знаки;
Так комета, к звезде устремляя свой путь,
На погибель себе полыхает во мраке!

Тёплым пеплом ладони твои опалю;
На листах обгорелых проступят вдруг строчки.
Но ты сможешь прочесть только слово «Люблю!» –
Не глазами – на ощупь, безлунною ночью...

**   **   **

Сколько строк я тебе написал!
Не рукою – а сердцем своим...
Ты прости, дорогая, что звал
В тот мираж, где обманы и дым.

В этот лес, где всего три сосны,
Где исхожено столько троп.
В этот призрачный лес, где дым,

Где слова слишком часто – трёп.

Я тебя в своём сердце несу.
Только сердце моё – мой враг.
Мне бы вырвать его! Но вдруг
Сам напутал всё, сам не прав?

Я стою в опустелом лесу.
Нет сюда для тебя дорог.
Я тебя в своём сердце несу
В горький дым недописанных строк.

ПРОДОЛЖАЯ НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

...Да, так вот, продолжая своё ненаписанное письмо.
Я однажды все же напишу хотя бы небольшой отрывок этого письма.
Напишу его, конечно, ночью, когда кроме лампы никого не будет рядом,
и даже, может быть, впервые не порву.

К утру на столе, уже начисто переписанные, будут лежать новые
строки к тебе, каждую из которых, нет: каждое слово из которых, я вы-
рывал из себя как застарелую, сросшуюся со мной занозу.

Я аккуратно сложу лист, вложу его в конверт, и, хотя бы пару ми-
нут, посижу, откинувшись в кресле. Я прощусь с написанными строками,
которые совсем скоро возьмут твои руки. Потом попытаюсь настроиться
на встречи с людьми, которые бесконечно счастливее меня тем, что ни-
когда в жизни и не хотели писать никакие стихи. И уж, конечно, совсем
не думали писать письма тем, в кого они когда-то, в самом начале их
юности, были влюблены. Пусть даже и очень сильно.

Я отправлю тебе письмо, не перечитывая, потому что иначе сразу
же разорву его из-за невообразимого несоответствия между пережитым
и написанным.

Ты же поступай с ним согласно своей воле.

ПРИСЛУШАЙСЯ К НЕСКАЗАННЫМ СЛОВАМ

«Сердце прислушивается только тогда,
когда ему перестаёт мешать язык» –
(«Сестра Кэрри», Т. Драйзер)

**   **   **

Прислушайся к несказанным словам:
Они везде, повсюду рядом с нами.
Прислушайся – и ты услышишь сам
Слова, что ждал, наверное, годами

От самых близких, самых дорогих,
А, может, совершенно незнакомых,
Пусть не услышал их в заветный миг,
Пусть жизнь тогда сложилась по-другому,

Ты вслушайся, и в сердце их прими,
Дай там приют от ожидания хлопот,
И вдруг, наедине с собой самим,
Услышишь слов невысказанных шёпот...

ДИАЛОГИ ИЗ РАЗЛУКИ

1

...Какие закаты странные:
Багряно-бордовые с бежевым!
Что ж нам себя обманывать,
Радость при встречах сдерживать?

Примчусь ли в конверте листиком
Или строкой телеграммною,
Весь в ожидании – не высказать! –
В эти закаты странные.

А, может, донельзя вежливый,
Поздравив, смолчу про главное:
В закатах багряно-бежевых
Растаяли встречи странные.

Какие закаты странные:
Багряно-бордовые с бежевым!
Счастье моё недавнее,
Судьба промелькнувшая, где же ты?

**

...Милый! А ты не приехал,
Посулы оставив в залог:
Может, решил, что не к спеху,
А может за делом не смог.

Что же случилось, милый?
Что ж замолчал, не простясь?
Иль сердце ко мне остыло
И маешься, правдой казнясь?

Милый! Нет, я не с укором,
Тебя-то мне больше жаль:
Я знаю – забудешь не скоро
Любви прошлогоднюю даль!

А я-то уж как дожидалась,
Бусинки дней снизав...
Милый! На дальних вокзалах
Не прячь от меня глаза!..

2

...Не лети к моему огню:
Не согреешься горсткой угля.

Не жалеи! Улетай на юг.
Ты оставь среди зим меня.

Долгий холод лишь мне по плечу:
Твои крылья ещё слабы.

Не врачуй моих ран! Не врачуй.
Улетай от моей судьбы.

На обратном пути потом
Ты поймёшь, дорогой мой судья:

Перебитым своим крылом
Я тебя спасал
от тебя...

**

Любимый мой! Мой самый дорогой!
Теперь с тобой увидимся едва ли.
Зачем из юности ушёл тогда к другой?
Зачем признаний мы тогда стеснялись?

Не приходи! Пусть столько лет я жду,
А ты жене все эти годы верен.
Всё кажется: сейчас в подъезд войду,
А ты с улыбкой ждёшь меня у двери...

Не приходи! Живи в своей дали.
Я не святая: здесь жила с другими.
Вот только сердце по ночам болит,
И губы сами шепчут твоё имя...

Не приходи! Я столько лет ждала,
А от тебя хотя бы раз – полслова!
Не знаю – как с ума я не сошла,
Лишь в тишине шепчу зачем-то снова:

Не приходи, мой самый дорогой!
Вдруг ты придёшь – а я умру от счастья?
Но как ты мог тогда уйти к другой
В чужую даль, распахнутую настезь?..

3

...Что же ты опять звонишь-тоскуешь,
Сердце ночью к трубке прислоняя;
Бережно над памятью колдуя,
Этой тишиной зовёшь меня.

А луна – как в полночь первозданную! –
Ясным светом в сговоре с тобой...
Ты была любимая, желанная,
Но не в этой жизни, а в другой.

Заросли туда пути-тропинки,
Но и нынче нам обоим нелегки
Свет зовущий лунной половинки
И средь ночи – молчаливые звонки...

ВЫ ПОМНИТЕ?..

Вы помните?

    Был тот почти что мальчик.

Он Вас любил.

    А Вы, пусть хоть недолго?

Однажды солнце

    – золотистый мячик! –

Зенитным зноем

    обожгло неволью.

Вы вдруг ушли не плача.

    И не плачьте!

Не должно солнцу плакать:

    слезы – звёздам.

Он Вас любил

    – везучий неудачник! –

И Вами – но без Вас –

    был будням роздан.

Не стоит вспоминать.

    Но писем пачки

Ещё живут

    у Вас в столе в неволе?

Вы помните?..

    Ну, что же Вы! Не плачьте.

Любили Вас. Вы – нет. Вот – всё.

    Не боле.

ПЕРИФРАЗЫ

1

– Не жалея меня! Не жалея!

Позови, увлеку, опали!

... Ах, лгунишка ты мой, соловей,

Напоследок ей спой о любви:

Завиток тёмно-русых волос.

Угол карего глаза вразрез,

Взгляд нежданный и влажен, и остр,

И ресниц недреманный лес.

А за взглядом – душа на засов,
Чудо-счастье: не мне открыть!
Ах, соловушка мой, суеслов:
Не любить – так уж лучше не жить.

По шелко'вой траве по ночам
Лунным светом лететь к окну,
И, касаясь очей невзначай,
Петь серебряную тишину.

Петь желанные руки вразброс
И изгиб горделивый губ!..
Я признаюсь тебе всерьёз:
Захочу – от неё не сбегу.

Это ж надо куда скакать,
Плёткой бок обжигая коню!..
Ни коней, ни плетей не видать:
Сам-один средь полей стою.

Забубённой головушке – хмель,
Сле'пым глазынькам – ночь да огни...
Не жалея меня! Не жалея!
Позови, отлюби, прогони...

2

– Гони, машинист, лошадей!
Хоть некуда больше – гони!
Стальных вороных не жалея,
Гони, брат, где степь да огни!

Болит моё сердце: люблю
Такую, что смерть не страшна!
Иль душу напрасно гублю:
Везде предо мною она?

Я тоже был молод и пел
Любимых моих имена,
Но взял их Господь в свой придел...
Мне вслед хохотала луна.

Осталась лишь доля скакать,
Меня стальных лошадей:
Друг-сердце не хочет понять,
Что оба постылы мы ей.

Гони, брат, кнута не жалея:
Ну, что им, железным, твой кнут!
А холод осенний с полей
Томит наболевшую грудь...

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

ЛЮБВИ ПОСВЯЩАЕТСЯ ГОРЕЧЬ...

“Amori amara sacrum” –
Любви посвящается горечь (лат.)

1

Я пью бокал за все пустыни Мира,
За Эвересты, Стиксы и Тартар!
За боль Любви – и подлинной, и мнимой –
Я здесь сегодня с чашею у рта.

Пешком пришёл к последней переправе,
На волю отпустив своих коней.
Я пью бокал за ПАМЯТЬ – это право
Любить ушедших во сто крат сильней!

Со всех путей, со всех сторон, пожарищ –
Горячий пепел, горький дым утрат.
Но я любил! И потому я в праве
Среди огня быть с чашею у рта.

Да. Я любил. И большего – не надо.
За все моря, за Солнце, за ветра,
За всех обманов яды и услады
Я здесь сегодня с чашею у рта.

За все непоправимости ошибок!
За всё – до капли! И за боль разлук!
За всё, чем жил и жив – Любви спасибо!
И даже там, где рвётся жизни круг...

Я пью за всех,
  любивших в жизни нас,
За всех, кто ждёт
  на Том и Этом свете,
За горький смысл «Прощай!»
  в последний час,
За право Помнить,
  что сильнее смерти!

За право Боли
  поздно приходить
к холмам могильным,
  и, без слёз рыдая,
Стихов листами,
  молча, говорить,
И всё же ждать,
  дверей не закрывая!..

ИЮНЬ

Июньская жара спадала медленно,
Лизала жадно пыльную траву.
Ладья луны всплыла, беды не ведая.
Ушла... А я живу, живу

По чьим-то странным и нелепым правилам.
Июнь. Жара спалила всё дотла.
Ушла... Среди беды оставила.
Что это значит: «Год, как умерла»?

В глаза летят закат беспечно-розовый
И волосы похожие – до плеч...
Когда б я мог в ту землю под берёзами,
Любимую свою, спасая, лечь!..

Шагнуть за грань почти неразличимую,
Но только б ты опять жива была!
Да разве могут умирать Любимые?
А мне твердят, что год как умерла.

Мотает головою скорбно маятник,
Молчанье на секунды тебе.
Что из того, что есть тот холм и памятник?
Люблю. А это значит – жду тебя...

Ночь убегает – летняя, короткая,
Росы роняя капли на ходу.
Качнулся серп луны пустою лодкою.
Ушла.
А я всё жду и жду...

2

Июньским зноем город опалён.
На клумбах никнут робкие ростки.
Молчит в углу угрюмо телефон.
Звонишь – в ответ лишь долгие гудки.

Звонишь – в ответ лишь долгие гудки.
В бессчётный раз опять начнёшь звонить,
Не веря страшной пустоте руки:
Реку тоски так трудно переплыть.

Реку тоски так трудно переплыть,
Но не вернуть ей прошлые миры.
По краю дней – лишь горькая полынь.
Край памяти – лишь горькие дары.

Край памяти – лишь горькие дары.
Река тоски – без дна, без берегов.
Тот край другой, внезапней, чем обрыв,
Я страшных не хочу твоих даров!

Я страшных не хочу твоих даров!
А ты все бьёшь и бьёшь из-под полы.
За что ты мстишь нам смертью за любовь?
По краю дней – почти одна полынь.

По краю дней – почти одна полынь.
От зноя небо выжгло в чёрный цвет.

А я плыву сквозь горький чёрный дым
На берег тот, где расставаний нет...

3

Господь не дал спасти тебя от смерти.
И жизнь мою взамен твоей не взял.
Остались – фото, два письма в конверте,
И память – страж всего, что потерял.

За годом год по замкнутому кругу
От пункта «Встреча» к пункту «Крест и Холм»
Кандальники, заложники друг друга,
Исхоженной дорогою бредём.

Ни днём, ни ночью нет для нас покоя:
И врозь – никак, и вместе – как в аду.
Она назад всё тянет за собою,
А я – вперёд: вдруг всё-таки найду

Тот самый день, где будет всё, как прежде:
Пустынный парк, и море и апрель,
В полыни пыльной склон у побережья...
Как ты на небеси? В стране потерь

Мой друг последний – память – стала злая:
Винит меня во всём. Терплю её.
Прижав к груди, несу, хотя и знаю:
Когда-нибудь она меня убьёт

Нечаянно, упрёком горькой доли.
...Ты перестала приходить во сне,
Лишь по ночам зовёшь. А я от боли
Без слов кричу, прижав лицо к стене...

4

Любимая!

        Прошло так много лет.
Другая жизнь вокруг. И всё – иначе.
И в прошлое давно дороги нет.
Но в этот день глаза без спроса плачут,
Хотя прошло уже так много лет.

Хотя прошло уже так много лет,

Но память от меня втихую, скрадче,
Хранит всё о тебе, смешав, как бред,
Слова, поступки, даты, письма... – прячет,
Хоть и прошло уже так много лет.

Хоть и прошло уже так много лет,
Но рядом с болью всё живёт надежда
Ошибки страшной. Даже если смерть
Есть форма жизни, я хочу как прежде
Тебя увидеть через столько лет!

Тебя увидеть через столько лет!
Прости, что снова тень твою тревожу.
Кто ночью будит и зовёт? Ответ -
Ты? Память? – я не знаю. Разве можно
Так жить ещё Бог знает сколько лет?..

Любимая! Прости мне, что я жив,
Особенно когда июнь бушует
Весь в зелени и пухе тополином.
Но ночью, шёпотом, ты как-нибудь скажи
Где встретимся. Пусть эхо с сонным шумом
Мне повторит слова моей Любимой!

5

Когда-нибудь бессмертие откроют,
И даже – возвращение к живым.
Тогда опять мы встретимся с тобою,
И обо всём вдвоём поговорим.

Как ждал тебя всегда: и днём, и ночью –
Невыносим поврозь был каждый миг.
Но если быть уж совершенно точным,
Срывалось сердце в свой безмолвный крик...

И как везде глаза тебя искали:
В любой толпе, в безлюдии любом;
Как с поезда на полустанке дальнем
Сходил опять и шёл в твой бывший дом...

Как часто о тебе мы говорили:
Друзья, родные. Мчались годы прочь,
Тоска клубилась вслед дорожной пылью.

Дочь выросла и стала ты точь-в-точь.

И на тебя похожие два внука
Смешно с утра за мамою спешат...
Секрет бессмертья не нашла наука.
А я всё жду. Жду столько лет подряд.

И март наш вместе больше не вернётся.
Но вновь придёт в июне страшный день.
А здесь у нас опять весна и солнце.
И я иду – твоя земная тень...

**   **   **

Не прижаться к твоим звонкам,
В сентябрях не искать апрель,
Не склониться к твоим ногам.
Как мне жить без тебя теперь?

Снова с шелестом листья летят
И пустыня небес в окне:
Как мне жить без тебя, без себя?
Фотография – тень на стене.

На стене, на судьбе, на душе,
В небесах, на изломах камней.
«Помяни мя, бо я ушед..»
Крест твой тих на печальном холме.

**   **   **

Четыре женщины, которых я любил,
Ушли из жизни.
Четыре тризны я отпел и отслужил.
Четыре тризны.

И в каждом горе обгорал почти дотла,
Почти до пепла.
Одна надежда, вопреки глазам, ждала
Чудес. Нелепо?..

Скорбеть подолгу, говорят, великий грех,
Сродни роптанью.
Молю прощенья для себя у них у всех –
Ночами, втайне.

За то, что помню и тревожу их покой,
Что безутешен.
За праздник жизни, где их нет уже со мной
Сегодня, грешен.

Слова молений, может, им и не слышны,
Но как я счастлив,
Когда живыми они входят в мои сны,
Пусть и нечасто.

Тогда, себя перебивая, тороплюсь
Сказать так много –
Мы разом говорим, смеемся... Вдруг проснусь:
Ночь за порогом...

Опять один... Как им сейчас за той чертой –
Последней самой?
Но здесь, за них – напрасно, нет – пока живой,
Молюсь упрямо...

ПАМЯТИ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА КАРСОНОВА

1. 25 сентября 2008 г.

Сентябрь выпал в этот год
Холодный, с долгими дождями,
Как будто знал кого возьмёт,
Но не умел сказать словами.

А потому лишь, молча, лил
Небесных слёз осенних горечь,
И вдруг нас всех осиротил,
И с этим горем не поспоришь,

Не возвратишь, хоть закричись,
Назад Учителя и Друга...
А сорванный порывом лист
Вершит скольжение по кругу.

2. К Виталию Носкову, писателю, прошедшему обе чеченские войны и «горячие точки» Кавказа

Опять умчит тебя в Москву
Из наших мест вечерний поезд
Под непрерывный перестук...
Как мы осиротели вдвое!

В тот дом на Красина для нас
Закончен путь. Закрыты двери.
И повторю в который раз:
Как мы с тобой осиротели!

Он был для нас вторым отцом
И как родных детей лелеял,
И правду говорил в лицо...
Как мы с тобой осиротели!

Опять уедешь на Кавказ.
Будь на войне поосторожней,
Ведь он молился и за нас:
Так он сказал. Пусть невозможно

Его вернуть, ты не спеши
Под пули лезть, а, в самом деле,
О нём нам книгу напиши:
Как все друзья осиротели...

МОЛИТВА

Господь! Укрепи меня в вере!
Святой! Не дай мне ночью
Вскрыть одним махом вены
Нечаянно или нарочно!

Боже! У всех свой угол,
Даже у зверя лесного.
А я – по горящим углям
С босою душою – снова

Куда-то – скитаться по миру –
Всю жизнь – день за днём, год – за годом!,
Вдогонку всему, что было,
Верность хранить сегодня.

Ты отобрал любимых,
Не тронул лишь память-отраву.
Зачем меня манишь другими?
Зачем меня жить оставил?

Господи! Кто поверит
Правде без лживого платья?
Ты это изведаль первый,
Глядя на нас с распятыя!

За право любить – по углям –
Босому – без крова – годами,
Любить, не зная, что будет,
А слева и справа – пламя.

Господи! Дай мне силы
В страшную ночь без веры!
Что бы потом ни случилось,
Спаси мою душу и вены!

**   **   **

Зимний ветер ночной
Рывками колышет шторы.
В форточке – вьюги вой,
В окне – замерзающий город.

Целую жизнь вот так:
Бессонница, мысли, страданье.
И не связать никак
Явь и мои желанья.

Те, кто мне дорог, давно
В других городах, квартирах.
Со мной – только это окно
И в небе луна над миром.

Только листы стихов
Вдогонку родным, любимым,
Боль недосказанных слов,
Жизнь, промелькнувшая мимо,

Чёрный квадрат окна
На белом лице стены...
Выстраданы до дна
Ночные мои истины.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОЭТАМ

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»
С. А. Есенин, 26.12.1925 г.,
гостиница «Англетер», г. Ленинград

До свиданья, друг мой. До свиданья.
Вот и к нам пришла пора потерь.
Открывая двери расставанья,
Я открою двери в «Англетер».

Распахну их настежь в час полночный...
Нет. Не в полночь: с двух до четырёх
Напишу тебе, что очень-очень
Жизнь любил, а вот себя – не мог.

Разбужу строкою телеграммной
С пожеланьем долгих-долгих лет,
Ты уж сам потом напишешь маме,
Что их сын, мол, неудачник странный,
Жил и умер, в общем, как поэт.

До свиданья! Не печалься, право.
Снова будет падать листьев медь.
Лишь тебе скажу, мой друг, по правде:
Жаль, что больше не придется петь!

АЛЕКСАНДРУ ШЕВЦОВУ

...Ветер,
Если надо – арестуем.
Бурю,
Если надо – создадим.

«Соловей», А.М. Шевцов (1914 – 1938) –
ученик Э. Багрицкого, однокурсник по Литера-
турному институту курганского поэта
С. Васильева. Арестован 03.05.1936г. Расстре-
лян 20.05.1938

И было так: война гражданская,
Сын – на отца, на брата – брат,
И кровь рекою христианская...
И кто в той крови виноват?

И было так – не позабудется,
Пусть ты хотел сто раз забыть:
Стук в дверь, арест, по тёмным улицам
Умчится «воронок» кружить...

Одни с клеймом «врага» расстреляны,
Других – с клеймом – по лагерям,
На Север: под пургой, метелями,
Где крест поставить их костям?

...А рядом жизнь была прекрасная:
Кипела, строилась страна,
За подвиги труда и ратные
Вручали лучшим ордена.

И с верою святой и искренней,
Разбив врагов, к труду опять
Вернулись, в страшных битвах выстояв,
Страну из пепла поднимать!

Был подвиг вновь без многословия:
Ожили города, поля.
Но тайны судеб переломанных
Хранит родимая земля.

Помянем всех погибших тризною:
Зачем делить их вдругорядь?
За сто замков укрыта истина.
Где, как ключи к ней отыскать?..

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

1

"...Назад! В Россию! Прочь из стран постылых!", –
Манила и звала рябины гроздь
В край с детства самый дорогой и милый.
И как давно расстаться с ним пришлось!

Но в новом возвращении желанном
За счастьем следом – череда утрат
Невосполнимых, в сердце – раны, раны:
В застенке – муж, на фронте сын-солдат...

Всех лихолетьем чёрным закружило,
Из чаши горькой всем отпить пришлось...
Елабуга! Ах, что ж ты натворила,
Вбивая в стену свой проклятый гвоздь!

Елабуга... Нет! Ты бы не посмела!
Был час, где сам себе один судья...
И где вчера ещё рябина рдела
Спасением казался крюк гвоздя.

...И, петлю сняв, бездомного Поэта,
Как век назад, таясь людей опять,
В усердье спешном схоронили где-то:
В родной земле могилу не сыскать!

Давно разломан старый дом в Тарусе.
Душа Её, где бродишь ты теперь?
...А вдоль дорог многострадальных русских
Рябины рдеют гроздьями потерь...

2

Стаями бездомные собаки
По сквозной аллейной пустоте
Проносились, исчезая в мраке,
В предночной густевшей темноте.

Тенями неслись: почти бесшумно
Лапы мягко стлались по земле.
Тени лет, растраченных бездумно,

Проносились в шелестевшей мгле.
Тени страхов, горечи, сомнений,
Подлостей, измен, разлук, страстей,
Тени обездоленных – всё в темень
Проносилось чередой своей.

Проносились мрачные эпохи
Душ людских, закрытых на засов;
Шелестели чьи-то стоны-вздохи
Над последней чёрточкой часов.

Проносились неостановимо
Тени судеб, бездною времён
Вовлечённых в бег непоправимый
Кем-то, кто и сам был вовлечён.

Проносились нити паутины,
С мглою шелестящею родня,
Замыкая в вечный круг единый
Тени парка, вечер и меня.

Невозвратно пронеслась осень,
Закружив опавшие листки
Над землёй, с которой так я сросся,
И любимой
                  до святой тоски...

28.09.1988, в День рождения Поэта.

ЮЛИИ ДРУНИНОЙ

С юности, от самого начала,
Не забуду горьких слов простых:
**«Машенька, связистка, умирала
На руках израненных моих».**

Школьница вчерашняя, в шинели,
На худых девчоночьих плечах,
Под свинцовой гибельной метелью,
Выносила раненых сквозь страх,

Через смерть, в бинтах, от крови влажных,
Наяву, а не в кошмарном сне:

**«Кто сказал, что на войне нестрашно –
Ничего не знает о войне».**

С кем теперь составить точно списки
Ей спасённых в ратные года?
Сколько, фронтовым тем братством близких,
Помнили о ней потом всегда?

Как она тем братством дорожила!
Что ни строчка, слово – всё о них:
О живых и тех, кто не дожили,
С кем была в последний жизни миг.

За судьбу такую непростую,
Яркую, как Праздничный салют,
За любовь к Отчизне и земную,
Где душа её нашла приют?

Слышит нас? Хочу поверить – слышит:
На земле не легче и теперь.
Может Вам, в вершинах горних, вышних,
Лучше и не знать других потерь?

Но тетрадку с Вашими стихами
И письмо короткое от Вас
Я храню как знаменосец знамя,
Как святой, с передовой, наказ!

Жирным шрифтом выделены точные и неточные
цитаты из стихов Ю.В. Друниной и название
её книги «Метель»

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

1

Ветер пелену дождя колышет,
Плачет ночь за стенами избы,
Толи домовой, а толи мыши
Зашуршат вдруг чем-то у трубы.

Скрип калитки – сиротливый оклик,
А с небес всё льёт, и льёт, и льёт.
Двор, деревня, лес насквозь промокли,
Лишь в углу лукошко час свой ждёт.

Просветлеет – и пойдём с ним вместе,

Лужи сапогами бороздя.
По дороге сочиним с ним песню
Как вдвоём спасались от дождя,

Про его ночные плач и слёзы,
И мышей шуршанье у трубы,
Как ветвями машут вслед берёзы
Крайней от околицы избы...

2

Ах, дай я сам сыграю на гармошке:
Такая вдруг тоска – хоть прочь беги!
Спою про вечер, месяц над окошком
И леса за околицей изгиб.

Спою про детство и золотолобый
Обрыв песчаный прямо над рекой,
Как в речке той купались до озноба,
Потом, вперегонки, неслись домой:

В свой детский дом взбегали по ступенькам,
Голодные всё время, как птенцы.
Как с нетерпеньем ждали: вот, маленько –
И возвратятся к нам с войны отцы...

Как возвратились – не ко всем, конечно,
И сколько было тайных, горьких слёз.
За что ж люблю – чем дальше – бесконечней –
Деревню, детство, тихий шум берёз?..

И если б объяснить всё было просто
– И разве есть такая простота? –
Родство с родной землёй, твоё сиротство,
Как жжёт обидой слово «сирота»...

Нет, лучше дай скорее мне гармошку,
И пальцы сами вскинутся к ладам:
Спою про вечер, месяц над окошком,
Про тихий край, который не отдам...

3

Осиротевшая душа
По-над сугробами летела
В рассвет. Никто ей не мешал
Искать своё родное тело.

Ещё не разорвалась связь
Меж бранным и уже небесным.
Вот потому душа рвалась
В привычно дорогое место.

И вдруг в светлеющей дали
– Душа от боли занемела –
Те комья свежие земли:
Такие чёрные на белом.

И поняла душа тогда:
Он здесь – родной, невозвратимый,
Теперь уснувший навсегда,
И беззащитный, и любимый.

И всё казалось страшным сном,
И не мирилось с этой новью.
За зло он всем платил добром,
За ненависть платил любовью.

И взмыла ввысь душа его:
Вы крик безмолвный тот слышали?
И улетела далеко
В живым неведомые дали.

И низко плыли облака
Над Вологдой в снега укрытой,
Вздыхала подо льдом река
В Крещенья День, слезой омытый...

ЗВЕЗДА

1

Сквозь все бои – пусть ранена! – прошла
Сестра, сестрёнка – санинструктор взвода,
Где беспощадно жгла война дотла
Поля, деревни, танки, судьбы, годы...

Но сквозь пожаров дым, в сплошном аду,
Не раз ночами, прямо над собою,
Глаза встречали яркую звезду –
Ту, что звала Окопную звездою.

2

И, в общем-то, не так уж далеко,
Под Вологдой, в детдоме, жил мальчишка,
И видел как на небе высоко
Горит звезда, какой не встретишь в книжках.

Он никому не говорил о ней:
Ведь шла война, и не до звёзд всем было,
Но для себя назвал Звездой полей
Ночное путеводное светило.

Несхожих две судьбы и две беды,
Две жизни, оборвавшихся до срока.
А может быть лучи одной звезды
Сияли над полями и окопом?..

3

У «бэтээра» сидя на броне,
В бою на площади Минутка в Грозном,
Когда кипело всё вокруг в огне,
Мой друг-писатель глянул вдруг на звёзды.

Невольно глянул – может, миг приспел,
А, может, сердце что-то подсказало:
Там, в вышине, сгущаясь, мрак темнел,
И лишь всего одна звезда сияла.

Одна на всех – и только для него,
Для каждого, кого б Вы не спросили,
Горит судьбой, не ведая того,
Заветная, как жизнь, Звезда России...

ПАМЯТЬ ЛЮБВИ

поэма

1

Память –
                    последняя Родина,
Последний
                    души приют:
Сюда,
                    с дорог, ими пройденных,

Воспоминанья придут.

Память –
                  незримыми вехами:

"было" –
                  раньше? –
  потом?

Память –
                  кривое зеркало:

Дом на Горе –
                  чей Дом?

Россию –
                  Свой Свет –
  отлеяли:

в Стамбулы –
                  дни догасить.

Вчера ещё –
                  Белые Лебеди.

Сегодня –
                  в Париже таксист.

Вчера ещё –
                  «Яр» с распевами,
таинственных дам вуаль.

Сегодня – где вы?
                  Под снегами –
в Сент-Женевьев-де-Буа.

Вчера –
                  о ресницах шёлковых,
точку –
                  свинцом –
  наган.

Память –
                  бродяга с котомкою,
надежд несбывшихся храм.

Память –
                  иллюзий осколки,
сладостно-горький плен,
сны наяву,
                  и только!:

за них –
                  хоть в огонь!
  И несколько

не страшно,
                  не больно
  совсем.

С утра день туманами серыми плыл:
воскресный,

сквозной,
торопливый.

Счастий

вчерашний прах-пыль –
засохшая ветка оливы.

...Вошёл. Навстречу –
чужое лицо:

итак – трибунал,
приговоров время;

в жестах –
досада, почти –
презренье:

"Сколько же можно,
в конце концов..."

Взгляд равнодушный:
"Кофе? Чай?"

Торт – чужого прихода следы.

Кто-то во мне:
"Беги! Уезжай!"

А сам – под откос! –
почти не ды -

ша,
весел почти:
"Чай".

Что ж, напоследок
хоть в рай, хоть – чай:

гуляй, душа,
и тело – гуляй!

Глаза!
Запомните всю её!
"...Чай".

Кто-то во мне:
"Беги! Уезжай!"

Не дело затеял!
Не дело!"

Эй, кто там внутри?
Замолчи! Не мешай.

Глаза!
Всю-всю –
под чай без "Прощай" –

каждую чёрточку,
линию тела.
Глаза!
Всю её –
в свой каждый кристалл,
как соли кристаллы –
в себя – кровь раны.
Возьми меня, Господи,
рядом, с креста,
ртом пересохшим
хрипеть ей Осанны!

Глаза!
Не смей ни слезы!
Смотреть –
запоминать.
Потом –
хоть всю ночь навзрыд –
в голос –
взахлёб –
звать.

3

"Ты всё придумал.
Не спорь. Да, да, да.
Я – вся другая.
Не спорь. Не спорь."

...Помнишь, в июле:
"Никто никогда
стихов не писал мне."
К тебе прирос
не строчками вовсе –
телом, лицом,
глазами.
Вся память...
Тебе ли не знать!
А ты – по живому –
на взмах –
резцом.
Остались живыми
одни глаза.
Тебя –
такую, какая ты есть –

Украсть бы
и в сердце от всех укрыть!
Глазами –
последним живым –
к тебе весь!
Что же тут
от игры?

"Богиня... Молюсь... – вот пишешь.
Зачем?
Я – это я:
такая как все."

Молюсь – тебе.
Любовь – это всем:
любая – и наша, и чья-то –
для всех.
Любовь – это
фокус душ и судеб
всех, кто нас нынче нечаянно свёл.
Любовь – это
воздух души и хлеб
с полей,
где каждый любивший цвёл.

"Тех, кто мне дорог,
я ждать могу
и месяц, и три,
и полгода, и год."

Стены – злорадно, вздох – орут:
"Слышишь?
Ты – лишний!
Не тот! Не тот!"

"Стихи, "
– химеры ночей и утр! –
"меня живой для тебя дороже".

Я – про себя:
"Скажи – умру!"

Смерть – по городу –
                                каждый шаг,
где всё –
                        о тебе –
                                домами, углами...
Смерть – это памяти светлый стяг
уже у других под ногами,
шмыг – шмыг
                                пиликающими
вполпьяна, уныло:
                                тилин – тилилин,
ещё до рожденья любить отвыкшими.
"Зато - не одна!"
                                "Зато - не один!"

6

Дверь открываю.
                        В квартире – тишь:
словно оглох – и не слышишь.
Кончено. Кончено.
                                И ты лишь –
лишний,
                        конечно, лишний.
Лишние руки, тело, глаза:
лишний – слово как хлопанье дверцы;
лишние мысли.
                                И – чувствовал, знал! –
самое главное –
                                лишнее сердце.
...Свеча. Раскладушка. Книги. Портрет.
Старою шторой окно оторочено.
В лишние будни – бесплатный билет.
Лишний.
                        А с лишними – кончено.
Капли из крана:
                        кап –
                                кап –
                                кап.
По лестнице –
                        шагов сухая дробь.
"Кончено! Кончено!" –
                                в горло кляп.
"Кончено! Кончено!" –
                                прицельно в лоб.

Кап –
    кап –
        кляп.
Топ –
    топ –
        в лоб.
Свеча –
    раскладушка –
        портрет.
Лишнему –
    в будни
        билет.
Сумерек полусвет. Нереаль -
ность.
Вот колыхнулась даль –
Гость.

7

Цоц – цок – цок –
        копытца за стеной.
Из-под двери –
        едкий запах серы.
Входит: "Ну-тес,
        следуйте за мной –
дамы поджидают кавалеров!"
Громкий,
        резкий
        и гнусавый смех:
"Всех насквозь вас вижу!
Всех!
Всех!
Чуть заблещет глазкам золотой,
чуть страстишка нервы-ноздри шевельнёт,
вы толпой бездумною –
за мной!
За мной!
И никакой Спаситель не спасёт!

Клятвы-слёзы на крестах-могилах –
Прочь!
Все благие намеренья – по ветрам!
Гуляй!
Только дай одну с желанной-милым

Ночь!
Золотой в ладошку – вам –
дай!

- Дай!

Дай!

Дай!

И с приплясом –
по могилам –
Уллю-лю!
И Спасителя-Страдателя –
Взашей!
Вот такими вас я
и люблю...
Пять минут на сборы
и –
скорей!.."

Скок на подоконник
и присел.
И копытцем – влево-вправо:
раз-два, раз-два...
Глазыньками острыми
зырк-сверк:
"Ну, пора! Всё, право,
трын-трава!.."

8

Вдруг встал:

ни копыт, не гнусав –

другой! –

боль сухая в глазах –

привык?:

"Послушай!

Мы ладили раньше с тобой.

Ты, помню, способный был ученик.

Давай всё как есть –

мы здесь одни.

Обманы и правду –

зачем мешать?

Ты разве не знал, дорогой ученик:

Любовь -

лишь приманка к тому, что терять?

Ты разве не знал, что есть

Подлость и Смерть –
не чьи-то:
Единственных, Самых Любимых?
И прав Назарянин:
не стоит скорбеть,
счастье – утраты неумолимость.
И я был когда-то – давно! –
шестикрыл.
За право всё помнить –
сегодня – изгой.
Бог-Дух мне завидовал
к а к я любил
и славил не Господа –
Имя Той,
иконы Которой –
во всех церквах.
Меня с тех икон –
уж давно – долой!
Любовь –
это сердца священный прах
всегда вперемешку с разлуки золой.
И если ты можешь –
Люби! Ну, что ж,
– и все Любви –
Своей Одной!
Но знай:
коль Любовь выше Бога вознёс,
то и тебя назовут
Сатаной.
Всем,
кто с грешком да с душком,
Сатана
Бога в сто тысяч молений нужней:
коль есть Искуситель,
любая вина
с молитвой от них
перейдёт к Сатане.
И вот ещё что.
Да, больно терять.
И здесь утешать
бесполезно и нечем.
А мне каково
миллиарды утрат
тащить за собою
из вечности в вечность?"

Кивнул –
                  и лишь тёмная тень по стене:
огромные сильные
                  чёрные крылья...
И долго был виден в ночном окне
след,
                  серебрившийся звёздною пылью...

9

Вот и всё – без желания благ.
Точки слов. Самолёта крыло.
Рёв турбин. Расставания факт.
И ни "жду", ни "звони" в залог.

На Руси – с чьей-то лёгкой руки –
завсегда так: в любовь – как в огонь.
Коли ссора, так всё – в черепки.
Коль тоска – не замай!, не тронь.

Черепками – хоть путь мости.
И в любимых глазах – слеза.
За спиною – костры, костры...
И вдвоём – ни вперёд, ни назад.

Вот и всё. Ни "Постой!", ни "Вернись!"
Все "вчера" – головёшки вех...
Как ты, жизнь, нас настырно – вниз!
Только мы всё зачем-то – вверх.

10

Да здравствуют все письма без ответов
И в телефонной трубке:
                  "НЕ ЗВОНИ!",
Все старые концертные билеты
И взлётной полосы пунктир-огни!

Да здравствуют все в мире самолёты,
Что прочь от нелюбви уносят нас!
Да здравствуют все в мире эшафоты:
Возьми меня, Господь, в мой лучший час!

Да здравствуют
                  ЛИШЬ ШЕСТЬ ЧАСОВ ТЫ РЯДОМ

На восемь дней меж небом и землёй!
Да здравствуют все спетые баллады
и все неспетые

ОТНЫНЕ НЕ СО МНОЙ!

Да здравствует неправда
"ВСЁ ЗАБЫТО!",
из одиночеств бегства в никуда,
и сердца безрассудные попытки
любить и быть любимым иногда...

Курган-Москва-Калуга-
-Свердловск-Курган
Сентябрь – октябрь 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Из старой тетради

Зеркало

Канун

Апрель

Кировский пляж

В метро свистели сквозняки

Прощальное танго

Сбегу к себе

А если что случится

Поэзия! Пред алтарём твоим

Заповедная страна

От века до конца

Вступление к теме

Размышление о Времени

Над планетой моею проносится солнечный ветер

Исходя из теории множеств

Где-то рядом почти

Родина! Россия! Отчий край!

Мне так нужно: ночь, вокзал, перрон

Сейчас, когда сроки измерены жизнью

Земля не плодоносит целый год

Прощание с Атлантидой

Земной поклон, родимая земля

Начало ноября

Этот пух тополиный - повсюду

Война. От этой темы не уйду

21 июня

23 февраля 1943 года у деревни Чернушки

Городу Ленинграду

Ладога

Курсанты

Пора послевоенная

Дома в те годы строили войска

День Победы

Так много фильмов и рассказов

Никто не возвращается с войны

В который раз Победный май

Мой адрес «Курган...»

Мой адрес «Курган...»

Холодный март

Мой друг фонарь на улице Орлова
Снова небо над миром весеннее
Эта ночь тянулась...
Непогода
Полощет тополь ветви на ветру
В электричке
В кафе «Новая Эра» на проспекте Машиностроителей
Конец августа
Матрос
Бабушка Таня
А.С. Пушкину
Моим ровесникам-друзьям
Каким-то вовсе бесконечным...
Баю-баюшки, баю

Неоконченное письмо

Я пишу тебе
Как я пишу?
Мои стихи
Вдруг вспомнится
Спасибо, дорогой
Воспойте Женщину
Я переполнен памятью
Ненужная верность
Я для тебя – давно лишь голос в трубке
Телефонный звонок
Этой зимой так мало вдруг выпало снега
Полночь. Бессонница
Пишу. Всё – как прежде
Ночь – о тебе
Что тебе написал
Сколько строк я тебе написал
Продолжая ненаписанное письмо

Прислушайся к несказанным словам

Прислушайся к несказанным словам
Диалоги из разлуки
Вы помните?..
Перифразы

Никогда не забуду

Любви посвящается горечь
Июнь
Не прижаться к твоим звонкам
Четыре женщины, которых я любил

Памяти Б.Н. Карсонова
Молитва (Господь! Укрепи меня в вере...)
Зимний ветер ночной

Посвящается поэтам

Сергею Есенину
Александру Шевцову
Марине Цветаевой
Юлии Друниной
Николаю Рубцову
Звезда

Память любви (поэма)